Акад. А. И. Соболевскій.

Лингвистическія и археологическія наблюденія.

ВЫПУСКЪ I.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. Р. Ф. В. 1910 г.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
1910.

ПРОВ. 1958

365
37

Представляя на судъ читателя 1-й выпускъ своихъ мелкихъ статей и замѣтокъ по исторіи главнымъ образомъ русскаго языка, я прежде всего долженъ сказать, что многія изъ этихъ статей и замѣтокъ въ разное время были уже напечатаны и что теперь онѣ являются только въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Но цитаты сохранены по старымъ изданіямъ, и Супрасльская рукопись цитуется по изданію Миклошича, Лаврентьевскій и Ипатскій списки лѣтописи—по изданіямъ 1871 и 1872 гг., двинскія грамоты — по „Актамъ Юридическимъ“ и т. п.

Нѣкоторыми выводами и нѣкоторыми данными издаваемыхъ нынѣ замѣтокъ я уже воспользовался въ послѣднихъ изданіяхъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“.

Этотъ выпускъ не имѣетъ указателя, надѣюсь дать указатель къ нему при 2-мъ выпускѣ.

А. Соболевскій.

Москва.
20 августа 1910.

Древнѣйшія славянскія названія монеты и хронологія общеславянскаго смягченія гортанныхъ.

Церковно-славянскій языкъ имѣетъ два слова спеціально для означенія металлической *монеты* [1]).

Одно изъ нихъ — *пѣнѧзь*. Оно нерѣдко въ памятникахъ. Въ виду того, что это слово знаютъ почти всѣ славянскіе языки, мы можемъ считать его обще-славянскимъ. Всѣ согласны, что *пѣнѧзь* — заимствованное слово, что его оригиналъ — герм. *phenningos, откуда др.-в.-нѣм. phenning, др.-сѣв. penningr. Этимологія его неясна. Судя по ph, pf [2]), передъ нами слово заимствованное германцами изъ неизвѣстнаго намъ языка, но, можетъ быть, снабженное германскимъ суффиксомъ. Германское слово, широко распространенное въ германскихъ языкахъ, имѣетъ спеціальное значеніе: металлическая монета. Слѣдовательно, славяне заимствовали отъ германцевъ это слово вмѣстѣ съ предметомъ, вмѣстѣ съ металлической монетою.

Другое слово въ разныхъ памятникахъ пишется разно.

Др.-русское Архангельское Ев. 1092 г. имѣетъ *стьглѧзь*; др -русская Рязанская Кормчая 1284 г.: *стьлѧзь*; др.-русское Галицкое Ев. 1144 г.: *склѧзь*; др.-сербское Мирославово Ев. к. XII в.: *склезь* и т. д. Повидимому, основная форма—*стьлѧзь*,

---

[1]) Третье слово — *цѧта* мы опускаемъ, такъ какъ древнѣйшее значеніе неясно. Русск. *цата*, польск. cętka значитъ: бляшка, металлическая пластинка

[2]) *Lottner*, KZ. XI, 173 Производство отъ *phanna (pfanne), принимаемое *Kluge* (Et. Wb.), болѣе чѣмъ сомнительно; о связи съ латинскимъ pendere также не можетъ быть рѣчи.

подъ вліяніемъ слова *стъкло* измѣнившаяся въ **стькласъ*, откуда уже *скласъ*.

Такъ называемый Законъ судный людямъ имѣетъ *щлазъ*, т. е. *штьласъ*. Русская Начальная Лѣтопись и еще нѣсколько памятниковъ, переведенныхъ, повидимому, не въ древней Россіи, имѣютъ *щлязъ*, т. е. **щьлазъ* [1]).

Изъ приведенныхъ формъ наиболѣе древнею слѣдуетъ считать *стьласъ*; изъ нея легко могла возникнуть форма **штьласъ* съ обычною для церковно-славянскаго языка группою звуковъ *шт*. Форма **щьлазъ*, повидимому, получилась изъ **стьлазъ*; послѣдняя — варіантъ къ *стьласъ*, безъ смягченія гортаннаго.

Въ виду нахожденія слова *стьласъ* и др. въ разныхъ славянскихъ языкахъ, необходимо считать его принадлежащимъ обще-славянскому языку.

Всѣ признаютъ, что *стьласъ* и др. — заимствованныя слова и что ихъ оригиналомъ должна быть одна изъ германскихъ формъ — или предокъ готск. skillings, др.-в.-нѣм. scilling, или какая-нибудь сходная, съ t послѣ s. Этимологія германскаго слова неясна; суффиксъ — германскій. Несомнѣнно, германское слово имѣетъ значеніе: металлическая монета. Слѣдовательно, славяне заимствовали его отъ германцевъ также вмѣстѣ съ предметомъ, вмѣстѣ съ металлической монетою.

Время заимствованія обоихъ словъ лингвистически опредѣляется легко: это — періодъ до смягченія гортанныхъ подъ вліяніемъ предыдущихъ мягкихъ гласныхъ. Но это время можно приблизительно опредѣлить и на обычный нашъ счетъ вѣковъ.

Конечно, отдѣльные экземпляры греческой и римской монеты могли попадать къ нимъ въ руки относительно рано [2]); но они не могли, по своей рѣдкости, служить монетою; ими могли пользоваться какъ украшеніями, цѣнными бездѣлушками

---

[1]) Между прочимъ, въ Дѣяніяхъ ап. Ѳомы у царя Гундафора (по Чудовск. сп. XIV в.) Польск. *szeląg* — позднѣйшее заимствованіе изъ нѣмецкаго schilling.

[2]) О кладѣ греческихъ монетъ V-го вѣка до Р. Хр. близъ Бромберга см. у *Sadowski*, Die Handelsstrassen der Griechen und Romer, Jena, 1887, стр. 72.

и т. п. Въ это время могли появиться у германцевъ и предки pfenning'a и schilling'a.

Распространеніе металлической монеты и употребленіе ея именно какъ монеты могло развиться у германцевъ лишь передъ самымъ Р. Хр. У Тацита въ V главѣ его „Германіи" мы читаемъ: Proximi (германцы) ob usum commerciorum aurum et argentum in pretio habent formasque quasdam nostrae pecuniae agnoscunt atque eligunt. Inferiores simplicius et antiquius permutatione mercium utuntur. Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque (монеты съ зазубреннымъ ободкомъ и монеты съ изображеніемъ пары коней въ колесницѣ) [1]).

Итакъ, во времена Тацита лишь ближайшіе къ римскимъ владѣніямъ германцы пользовались металлическою монетою римскаго происхожденія, по преимуществу старой, конца республиканскаго періода. Что до германцевъ сѣверо-восточныхъ, сосѣдившихъ со славянами, то они не пользовались металлическою монетою и еще будто-бы вели мѣновой торгъ; но знакомство съ этой монетой какъ монетой должно было появиться у нихъ и у сосѣднихъ славянъ уже въ I в. по Р. Хр. [2]).

Въ то же время должны были перейти къ славянамъ и слова **пѣнѧгъ* и *стьлѧгъ*, еще безъ смягченія гортаннаго. Слѣдовательно, переходъ *г* въ ѕ подъ вліяніемъ предыдущаго ѧ совершился уже позднѣе. Такимъ образомъ необходимо принять

---

[1]) „Въ Римѣ первый *серратъ* появился во время второй Пунической войны; ...остальные же выпуски ихъ послѣдовали послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго промежутка, приблизительно съ 91 года, и съ перерывами продолжались до 54 года, послѣ котораго выдѣлка ихъ была прекращена на всегда". *Р. Шерцль*, Римское монетное дѣло, Харьковъ, 1893, стр. 79.

[2]) По Садовскому, монеты императоровъ Клавдія и слѣдующихъ, особенно Домиціана и Траяна, найдены не разъ въ предѣлахъ Силезіи и нынѣшняго Царства Польскаго. Значитъ, во II в. римская монета уже ходила здѣсь въ качествѣ монеты. Подробныя данныя о римскихъ монетахъ въ Пруссіи и вообще въ Германіи у *Wiberg*'a, Der Einfluss der klassischen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr, Hamburg, 1867 (перев. съ шведск.). Срв. данныя о находкахъ римскихъ монетъ въ южной Россіи у *Самоквасова*, Исторія русскаго права, II, Варшава, 1884, стр. 126 сл.

за время перехода *г* въ s (а вмѣстѣ перехода *к* въ *ц* въ *отьць* и т. п.) самое раннее — конецъ I столѣтія по Р. Хр. А такъ какъ переходъ *г* въ s и вообще гортанныхъ въ свистящіе подъ вліяніемъ предыдущихъ мягкихъ гласныхъ совершился еще на почвѣ обще-славянскаго языка, то окончаніе обще-славянскаго періода приходится относить къ эпохѣ около II в. по Р. Хр.

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о праславянской родинѣ.

До-историческая этнографія располагаетъ (въ настоящее время по крайней мѣрѣ) очень скуднымъ количествомъ данныхъ и еще болѣе скуднымъ количествомъ хорошо обоснованныхъ выводовъ; поэтому каждый новый фактъ, хотя бы онъ имѣлъ скромное значеніе, представляется заслуживающимъ вниманія.

И одинъ такой фактъ я позволю себѣ указать и на немъ нѣсколько остановиться.

Этотъ фактъ — существованіе рядомъ двухъ названій озера Селигера. Одно — нынѣ употребляемое, общеизвѣстное, которое въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку XIV в. является въ видѣ *Серегѣръ*; другое—нынѣ уже, кажется, неизвѣстное, *Селижаръ*; оно не сохранено намъ памятниками, но легко возстановляется на основаніи названія рѣчки *Селижаровки* или *Селижаръ* (выходящей изъ Селигера и впадающей въ Волгу) и названія посада *Селижарова* (при впаденіи Селижаровки въ Волгу) [1]).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть и оцѣнить эти названія, необходимо сдѣлать маленькій экскурсъ въ область славянскаго языковѣдѣнія.

Славянскіе языки знаютъ два смягченія гортанныхъ звуковъ вообще и звука *г* въ частности. Первое смягченіе состо-

---

[1]) Другая рѣчка *Селижаровка* или *Селижарка* упоминается въ писцовыхъ книгахъ по Коломенскому уѣзду. См. „Указатель“ къ „Писц. кн. изданнымъ Имп. Р Географ. Общ.“, стр. 42.

итъ въ измѣненіи гортанныхъ въ шипящіе, въ частности въ измѣненіи *г* въ *ж*: бо*ж*е, бо*ж*ъство (отъ богъ); второе смягченіе состоитъ въ измѣненіи гортанныхъ въ свистящіе, въ частности въ измѣненіи *г* въ *s*: bo*s*i (мн. ч.). Время завершенія перваго смягченія намъ въ точности неизвѣстно, но въ древности его нельзя сомнѣваться. Оно равно свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ; слѣдовательно, мы можемъ относить его къ тому обще-славянскому періоду, когда всѣ славяне составляли еще одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который закончился едва ли много позднѣе Р. Хр. Что до завершенія второго смягченія, то и его древность слѣдуетъ считать глубокою, обще-славянскою, но не въ такой степени, какъ древность перваго смягченія. Между тѣмъ какъ первое смягченіе одинаково свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ, второе смягченіе имѣетъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ нѣкоторыя разности, признакъ того, что обще-славянскій языкъ въ эпоху этого смягченія уже раздѣлялся на крупные говоры. Такъ, въ русскомъ языкѣ всякій гортанный звукъ передъ *ъ* и *и* (изъ дифтонга) перешелъ въ свистящій; а въ западно-славянскихъ языкахъ, рядомъ съ переходомъ *к* и *г* въ свистящіе, есть случаи перехода *х* въ шипящее *ш*; или, въ русскомъ языкѣ передъ *вѣ* и *ви* гортанные подверглись смягченію: *ц*вѣтъ, *з*вѣзда, а въ тѣхъ же западно-славянскихъ языкахъ въ подобныхъ словахъ нѣтъ смягченія: *к*вѣтъ, *г*вѣзда.

Къ сказанному о смягченіи необходимо прибавить два слова о судьбѣ *ъ* (соотвѣтствующаго долгому *е* родственныхъ языковъ) послѣ перваго смягченія. Этотъ звукъ послѣ шипящихъ и *j* перешелъ въ *а*, такъ что изъ древнѣйшаго *жъ* получилось *жа*. Всѣ славянскіе языки знаютъ переходъ *ъ* въ *а*, и потому его слѣдуетъ считать завершившимся въ обще-славянскій періодъ.

Теперь разсмотримъ названіе *Серегьръ* [1]). Въ немъ мы видимъ звуковую группу *гъ*; эта группа не подверглась то-

---

[1]) Списки 1-й Новгородской лѣтописи имѣютъ въ этомъ словѣ послѣ *г* то *е*, то *ъ*, то *и*, что указываетъ на нахожденіе въ немъ въ древности *ъ*.

му, что мы называемъ вторымъ смягченіемъ. Слѣдовательно, слово *Серегъръ* вошло или въ обще-славянскій языкъ въ самую позднюю эпоху его существованія, уже послѣ того какъ въ немъ завершились оба смягченія гортанныхъ, или, скорѣе, уже въ русскій языкъ, послѣ того какъ обще-славянскій языкъ распался. Изъ этого можно заключить, что обще-славяне или русскіе славяне подошли къ озеру Селигеру и здѣсь усвоили себѣ его названіе отъ болѣе раннихъ обитателей береговъ озера относительно поздно, конечно, задолго до начала исторической эпохи, но во всякомъ случаѣ позднѣе Рождества Христова.

Перейдемъ къ другому названію того же озера *Селижаръ*. Стоитъ только повнимательнѣе въ него всмотрѣться, чтобы признать въ немъ то же слово, что и *Серегъръ*, только съ болѣе древней звуковой окраской. Какъ выше указано, при первомъ смягченіи гортанныхъ *г* перешло въ *ж*, а потомъ *ъ* послѣ *ж* измѣнилось въ *а*. Слѣдовательно, *Селижаръ* восходитъ къ болѣе древнему *Серегъръ* (или *Серегъръ*), заимствованному обще-славянами у своихъ сосѣдей въ обще-славянскій періодъ и измѣненному въ звукахъ (какъ всѣ заимствованныя въ то время слова), согласно законамъ обще-славянскаго языка.

Заключеніе, которое мы можемъ вывести, таково. Обще-славяне имѣли уже нѣкоторое понятіе объ озерѣ Селигерѣ; можетъ быть, они доходили до него въ своихъ набѣгахъ на восточныхъ сосѣдей; значитъ, они жили уже относительно недалеко отъ Селигера; иначе говоря, одна часть границы обще-славянской прародины, именно ея сѣверо-восточный уголъ, находилась сравнительно близко отъ западной границы нынѣшней Тверской губерніи [1]).

Но согласно ли наше заключеніе съ другими данными?

Можно похвалиться тѣмъ, что оно вполнѣ согласно.

Если мы предположимъ, что около озера Селигера и въ

---

[1]) Мы не должны удивляться тому, что названіе озера Селигера было заимствовано дважды: одинъ разъ въ обще-славянскій періодъ, въ глубинѣ его, прежде завершенія перваго смягченія гортанныхъ, второй разъ — значительно позже, когда завершилось не только первое, но и второе смягченіе гортанныхъ Подобные случаи — не рѣдкость въ языкѣ. Укажемъ на два названія Карпатскихъ горъ (см. ниже).

глубинѣ обще-славянскаго періода, и позднѣе, жили финны (точнѣе: западные финны) [1]), то будемъ имѣть право воспользоваться данными изъ области взаимныхъ отношеній языковъ славянскихъ и западно-финскихъ.

Данныя русск. языка указываютъ намъ на очень древнее знакомство славянъ съ финскими племенами. Мы не знаемъ нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ въ древности славянами у финновъ, но имѣемъ рядъ названій финскихъ племенъ. Одно изъ нихъ — *Ижера*, соотвѣтствующее финскому Inger-; въ немъ мы имѣемъ то древнее первое смягченіе гортаннаго, о которомъ уже говорили; значитъ, это названіе было получено еще обще-славянами, когда Ижера жила значительно южнѣе, чѣмъ въ историческое время. Другое — *Ѣмь* и *Ямь*, соотвѣтствующее финскому Häm-; во второмъ варіантѣ этого названія [2]) мы находимъ тотъ древній переходъ *ѣ* послѣ *j* въ *а*, о которомъ уже упоминали; значитъ, названіе *Ѣмь—Ямь* было получено также еще въ обще-славянскій періодъ. Третье — *Весь*, живущее донынѣ въ названіи города *Весьёгонска* и соотвѣтствующее финскому Veps-; измѣненіе группы *нс* въ *с* принадлежитъ къ числу древнихъ; оно совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ; слѣдовательно, названіе *Весь* перешло къ славянамъ въ тотъ же обще-славянскій періодъ, когда Весь жила южнѣе и западнѣе, чѣмъ въ историческое время.

Данныя собственно-финскаго языка говорятъ намъ о томъ же. Этотъ языкъ имѣетъ много нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ у славянъ; изъ нихъ нѣкоторыя сохраняютъ такія группы звуковъ, которыя были только въ обще славянскомъ языкѣ и которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ; между прочимъ группы *al*, *ar* въ серединѣ словъ, тамъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ полногласныя *оло*, *оро*, церковно-славянскій языкъ — *ла*,

---

[1]) По изслѣдованіямъ Томсена и финскихъ ученыхъ, западные финны нѣкогда, до прихода на берега Балтійскаго моря, жили южнѣе, въ связи съ Мордвою и Черемисою.

[2]) Подобные варіанты вполнѣ обычны въ славянскихъ языкахъ: современн русск. *ѣсть* и *ясли*, др.-русск. *ѣдъ* и *ядъ*, др.-русск. *ѣзва* и *язва* и т. п.

ра: корельск. *talkkuna* (= обще-славянск. **тѣлкъно*, др.-русск. **толокъно*, церк.-слав. **тлакъно*) и т. п. [2]).

Итакъ, славяне на своей общей прародинѣ, въ глубинѣ вѣковъ, жили по сосѣдству съ нынѣшней Тверской губерніей (западнѣе ея). Когда же они перешли на территорію этой губерніи?

Названіе озера *Селижаръ*, какъ видно изъ сказаннаго, не стоитъ одиноко. То же можно сказать и о названіи *Сережъръ*. Если мы всмотримся въ названія озеръ, рѣкъ и т. п тверской территоріи, то между ними замѣтимъ названія *Кебердово*, *Кезадро*, также безъ смягченія гортаннаго, названіе рѣки (и потомъ города) *Тьхвьръ* [1]), безъ смягченія *х* передъ *вь*, и т. п.

---

[1]) Мы пользуемся данными *Mikkola*, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, I, стр. 43.

[2]) Такъ обыкновенно пишется это слово въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп. Запись Устава Церковнаго, написаннаго въ Твери въ 1438 г. (Синод. Библ. № 331), имѣетъ постоянно: Тфьрь.

Бескидъ.

При этомъ названіи Карпатъ, общемъ словакамъ, полякамъ и русскимъ, есть другое, менѣе распространенное названіе тѣхъ же горъ — *Bieszczad*, извѣстное въ польскихъ книгахъ XVI—XVIII вв., употребительное теперь въ Силезіи [1]) и восходящее къ **бескыд-*, *бескѣд-*.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба эти названія заимствованы славянами у своихъ сосѣдей, второе въ обще-славянскій періодъ (*щ* изъ *ск* могло произойти и при первомъ, и при второмъ смягченіи гортанныхъ), первое много позднѣе, въ эпоху существованія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, когда сочетаніе *ки* уже опять существовало въ славянскихъ языкахъ.

Форма им. п. ед. ч. извѣстна и у русскихъ: *Бѣскидъ*, *Бѣскидъ*, *Бѣскедъ*, и у поляковъ: *Beskid*, *Beszkid*, *Bieszczad*. Такъ называются и Карпаты вообще, и (иногда) отдѣльныя вершины. Сверхъ того, есть указаніе на употребленіе русскаго *бескѣди* какъ нарицательнаго: скалы, горы (Желеховскій).

---

[1]) ***Biblioteka Warsz.*** 1850 г., III, стр 436.

Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ.

1.

Какъ извѣстно, церк.-славянскій языкъ нерѣдко имѣетъ *а* тамъ, гдѣ другіе славянскіе языки имѣютъ *ja*: *а*вити при др.-русск. *ja*вити, и т. п.

При разсмотрѣніи въ церк.-слав. языкѣ древнѣйшихъ церк.-слав. текстовъ и ихъ древне-русскихъ списковъ, тѣхъ словъ, гдѣ *а* находится на мѣстѣ *ja* другихъ славянскихъ языковъ, а иногда и церк.-слав. языка, приходится придти къ заключенію, что во всѣхъ этихъ словахъ *а* восходитъ къ праславянскому ā или jā и что такимъ образомъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы церк.-слав. *а* восходило къ праслав. *ѧ* или *jѧ*.

Мы видимъ:

1) *а*кы, *а*мо, *а*блъко, *а*вити, *а*гньць, *а*зъ, *а*ице, мо*а* (формы имен. ед. женск. р., имен. мн. ср. р.), вънеза*а*пѫ и т. п.;
2) ѫдро (при нѣдра), ѫздити, ѫхати (при *ѧ*здити, *ѧ*хати), ѫмь (при *ѧ*мь), ѫдъ venenum (при др.-русск. *ѧ*дъ), ѫзва (при др.-русск. *ѧ*зва), ѫзъ στόμαχος (при русск. *ѧ*зъ) и т. п.

Рядомъ нѣтъ: съ одной стороны *ѧ*кы, *ѧ*блъко, *ѧ*ице и т. п. ни въ древне-русскомъ, ни въ чешскомъ, ни вообще въ какихъ-либо славянскихъ языкахъ (церк.-слав. написанія *ѧ*кы, *ѧ*зъ Мар. Ев. и т. п. имѣютъ *ѧ* съ значеніемъ *ja*), — съ другой стороны *а*хати, *а*дъ и т. п.

Въ виду этого мы можемъ рѣшительно высказываться относительно нѣсколькихъ спорныхъ случаевъ:

въ формахъ имперфекта несѣахъ и т. п. *а* не можетъ восходить къ праславянскому *ъ* или *jъ*;

въ мѣстоименіи азъ *а* также не имѣетъ отношенія къ *ъ* и эта форма не можетъ быть связываема сколько-нибудь тѣсно съ греч. ἐγώ, лат ego и проч.

Такъ какъ въ обще-славянскихъ именахъ ѫма, ѫръ, ѫснъ, ѫрьмъ мы всегда видимъ въ древнѣйшихъ церк.-слав. текстахъ только ѫ (или его графическій варіантъ *ѫ*) и никогда не встрѣчаемъ *а*, — нѣтъ основанія возводить *а* этихъ словъ къ праславянскому ā или jā; здѣсь ѫ восходитъ къ праславянскому *ъ* или *jъ*; срв. обще-славянское ѫсли, гдѣ корень несомнѣнно *ъд-*.

Необходимо помнить, что въ средне-болгарскихъ, старосербскихъ и позднихъ (съ конца XIV вѣка) русскихъ текстахъ, съ искусственною церк.-слав. орѳографіею, можетъ встрѣчаться *а* вмѣсто ѫ въ началѣ и серединѣ словъ во всякихъ словахъ и формахъ. Такъ, въ русскихъ текстахъ обычны формы род. ед. женск. р. моеа = ц.-слав моеѭ и т. п. Конечно, данныя этихъ текстовъ не должны быть принимаемы во вниманіе.

2.

Существуетъ мнѣніе, что до-славянское *с* не переходитъ въ *х* послѣ *е*.

Позволительно сомнѣваться въ его основательности. Мы имѣемъ:

формы 2-го л. ед. ч. наст. вр. обще-слав. берешь, гдѣ *ш* изъ *х*;

рядъ существительныхъ съ суффиксомъ *-ех-*: русск. лепёха, лепёшка, дурёха, заварёха (драка, ссора, Якушкинъ), красёха (красивая женщина, Даль), лысёха (лысая корова, Даль), шварёха (сварливая баба, Даль), бабёха, тетёха, Алёха, Матрёха и т. п.;

рядъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *-ех-* (гдѣ *е* не можетъ восходить къ *ъ*): живёхонекъ, живёшенекъ (*ш* изъ *х*), малёхонекъ и т. п. (сербскія прилагательныя живахан живенекъ,

мека*х*ан мяконекъ, гдѣ *а* можетъ восходить къ *ъ* или *ѣ*,— иного образованія);

глаголъ бре*х*а́ти;

сущ. ле́ме*х*ъ, лемеш*ь* (*ш* изъ *х*), польск. lemie*ch*a лепешка (*Prace Filolog.*, IV, 837);

сущ. русск. че*х*олъ, обще-слав. *чех*ълъ (?); въ великорусскомъ нарѣчіи XVI—XVII вѣковъ такъ называлась какая-то одежда: новобрачная на себя положитъ *чехолъ* и шубу нагольную (свад. чинъ при Домостроѣ, по изд. Забѣлина стр. 184); современные великорусскіе говоры знаютъ это слово, между прочимъ, въ значеніи: полотенце; польск. cz*ch*ać się тереться.

Вотъ еще нѣсколько словъ съ *е* передъ *х*, неясныхъ для насъ въ томъ или другомъ отношеніи: русск. бздѐ*х*ъ, же́ре*х*ъ (рыба), мѣстное названіе Желе*х*овъ, чешск. Že*ch*ovice, русск. жо*х*ъ (бабка лежащая вверхъ спинкой), чешск. kože*š*ina (мѣхъ), русск. маче*х*а (*е* изъ *jo*?), оме́*х*а (котомка), ше́ре*х*ъ (мелкій ледъ на рѣкѣ), обще-слав. этнографическое названіе чех*ъ*.

Вѣроятно, нѣкогда было *х* послѣ *е* въ ка́ме*ш*екъ, гребе*ш*о́къ, коре*ш*о́къ, кочеш*о́*къ, кремеш*о́*къ, ремеш*о́*къ, чере*ш*о́къ, оле*ш*о́къ (отъ олень), веретѐ*ш*ко (отъ веретено); но всѣ эти слова представляютъ значительныя затрудненія для объясненія въ нихъ отсутствія слѣдовъ звука *н* (срв. каме*нь* и т. д.) и вообще неясны. — Срв. 1) однородныя бара*ш*екъ, ладо*ш*и, луко*ш*ко (при лук*но*), око*ш*ко, бреве*ш*ко (при бревно), гуме*ш*ко, головe*ш*ка, говe*ш*ка, дрове*ш*ки (дрова), полѣ*ш*ко (полѣно) и 2) голя*ш*ка (при голень).

3.

Небольшой рядъ словъ съ *с* имѣютъ при себѣ слова съ *х*:

русск. тря*х*ать, тря*х*нуть (Псковск. лѣтоп., по изд. Погодина стр. 136), тру*х*нуть, при тра*с*ѫ, тр*с*ъ и т. п.;

малорусск. жа*х*ъ (ужасъ), сѣв.- и южно-великор., малорусск. ужа*х*аться, ужа*х*нуться, пол. ża*ch*nąć się (*Wisła*, IX, 431), при ужасъ и т. п.;

русск. помѣ*х*а, чешск. mí*ch*ati (мѣшать), русск. псковск. мѣ*х*ать (мѣшать), при мѣсити и т. п.;

великорусск. и бѣлор. прохать (просить; бѣлор. романъ о Тристанѣ: прохали, по изд. акад. *Веселовскаго* стр. 44), при просити;

сѣв.-великор. опояхать (*Колосовъ*, Замѣтки, 16; *Изв. р. отд. Ак. Н.* 1896 г., II, 342), при поясъ и т. п.;

русск. псковск вѣхать (вѣшать), при вѣсъ и т. п.;

чешск. čechrati (расчесывать), при чесати (срв. чехолъ);

малор. пелехатий, при ц.-сл. пелесъ, русск. пеле́сина, пеле́соватый (срв. чешскія мѣстныя названія Pelechov и Pelesov);

великор. полѣхъ (житель Полѣсья), при лѣсъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ можно предположить суффиксъ *c* (изъ обще-индо-европ *s*), находившійся нѣкогда послѣ корня. Срв. русск. взмахъ, махать, при маять, помавать; смѣхъ; ѣхать; малор. и бѣлор. зѣхать (зѣвать), великор. зѣха (зѣвака), серб. зиjехати; ст.-польск blochać (блевать ?); великор. вѣха, при вѣять; бахарь, жихарь, знахарь, при баять, жить, знать, и др. Далѣе можно предположить переходъ *c* изъ обще-индо-европ. *ss*, *k's* въ *x*.

Сравни переходъ *c* изъ древнѣйшаго *ts* въ русск. пѣхота, ляхъ, пряха, неряха, приряхнуться (принарядиться), вѣха (извѣстіе; *Колосовъ*, Обзоръ, 178), олонецк. гнехать (ударять, Куликовскій). чешск. ostychati (стыдиться).

4.

Группа *хн* (изъ *сн*) на обще-славянской почвѣ дала *н*: чьрнъ при санскр. kršnas, прусск. kirsnas; вѣно (въ ц.-слав. яз. еще въ значеніи: плата) при санскр. vasnas, vasnam, греч. ὦνος, ὠνή, лат. vēnum (польск. wiano, безъ *d*, устраняетъ сопоставленіе съ греч. ἕδνον).

Въ виду этого позволительно думать, что эта группа *хн* нѣкогда находилась въ обще-слав. ясень (срв. литовскія названія деревьевъ на -snis) и въ русскихъ прилагательныхъ: здорове́н(ь)ный, зле́нный, глубоче́нный, одинаково свойственныхъ великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ (срв. литовскія формы сравнит. ст. на -esnis). Двойное *нн* можетъ быть въ нихъ позднимъ явленіемъ (какъ и въ причастіяхъ).

5.

Кажется, уже всѣми принято, что гортанные согласные при второмъ смягченіи, органическомъ и неорганическомъ, переходятъ въ свистящіе. Но вмѣстѣ съ этимъ оставленъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія вопросъ о происхожденіи тѣхъ шипящихъ, которые находятся на мѣстѣ ожидаемыхъ свистящихъ въ западно-русскомъ нарѣчіи и въ западно-славянскихъ языкахъ. Въ виду этого мы прежде всего остановимся на данныхъ.

1) Извѣстная грамота рижанъ въ Витебскъ, ок. 1300 г., имѣетъ двѣ формы мѣстн. ед.: у Витебьще, у Смоленьще.

Западно-русскій сборникъ XVI в.: у воище (*Arch. für slav. Ph.* IX, 366) [1]).

Западно-русская Псалтырь XVI вѣка (Рум. Муз.) имѣетъ форму им.-вин мн.: поставлю передъ обличьемъ твоимъ грѣши (л. 51).

Современное бѣлорусское нарѣчіе кое-гдѣ знаетъ форму мѣстн. ед. въ горо́шѣ (отъ горохъ) [2]) и слова: *шѣдый* (*Р. Филол. Вѣстн* 1909 г., № 3, стр. 216) и *шѣрый*; срв. великорусск. сѣдой и сѣрый.

2) Старо-польскіе памятники употребляютъ рядомъ формы дат. и мѣстн. ед.: Polszcze и Polsce, w maszcze (отъ maska), w wojszcze и w wojsce (отъ wojsko), им.-вин. дв. poduszcze (отъ poduszka), wojszcze и wojsce [3]).

Флоріанская Псалтырь XIV вѣка имѣетъ формы мѣстн. ед. муж.-ср. рода: w strasze, w słusze, w dusze, w prosze; Шарошпатацкая Библія XV в.: w grzesze, po susze, na rusze (отъ rucho); другіе старо-польскіе памятники имѣютъ, кромѣ формъ дат. и мѣстн. ед. съ *ш*: patryarsze, дат., — еще формы тѣхъ же

---

[1]) Псковскій Прологъ 1383 года: дъщѣ = дъстѣ, дъсцѣ, отъ *дъска*. „Очерки изъ исторіи р. яз.“, стр. 128.

[2]) Сообщено *Е. Ѳ. Карскимъ*.

[3]) Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ видитъ въ Polszcze — руссизмъ (*Rocznik Slawist*, I, 113), но безъ основанія.

падежей съ *ч*: człowiecze (рядомъ: człowiece), w opiecze (отъ opieka).

Старо-польскіе памятники имѣютъ формы им. мн. włoszy (отъ włoch) и мѣстн. мн. na wołoszech (отъ wołoch); рядомъ съ формами съ *ш*, встрѣчаются формы съ *ч*: w turczech (отъ turek), при w turcech [1]).

Современный польскій языкъ мало отличается отъ стараго, и мы въ немъ слышимъ Polszcze (при Polsce), w duszе (отъ duch), we włoszech (отъ włoch), w niemczech (отъ niemiec).

Сверхъ того, и въ старомъ, и въ современномъ польскомъ языкѣ имѣютъ не *с* (какъ церковно-славянскій, русскій, сербскій языки), а *ш* рядъ формъ и производныхъ отъ мѣстоименія *вьсь* (изъ **вьхъ*): род. мн. wszech и т. п., wszędy (= церк.-слав. *вьсѫды, изъ *вьхѫды) и т. п., и слова szedziwy, szędziwy (съ неорганическимъ носовымъ), szadawy, и szary (съ *а* изъ *ъ*); срв. ц.-сл. и русск. сѣдъ, серб. сијед, ц.-сл. и русск. сѣръ, хорв. сјер [2]).

3) Старый и новый чешскій языкъ въ общемъ вполнѣ согласенъ съ польскимъ.

Онъ имѣетъ формы дат.-мѣстн. ед. vojstě и vojšče (отъ vojska), мѣстн. pražšče (отъ pražsko), им. мн. čeští, vlašti (отъ český, vlaský), řečtí (отъ řecký), им.-вин. дв. ж. р. dvě nebešče perle. Рядомъ: v Polsce, uhersci, slovenstí, nemectí.

Онъ имѣетъ формы дат.-мѣстн. ед. múše (отъ mucha), troše (отъ trocha), им. мн. češi, lenoši (отъ lenoch), мѣстн. мн. o hříších, ve vlaších (отъ vlach); рядомъ: (словацк.) muse, česi, lenosi [3]).

Гусъ употребляетъ форму дат.-мѣстн. mězdě (отъ mezga).

Сверхъ того, и старый, и новый чешскій языкъ имѣетъ *ш* въ формахъ и производныхъ отъ мѣстоименія *вьсь*: veš, však, vždy (изъ *вьшьды, *вьхьды) [4]) и т. п. (въ Пражскихъ глаголи-

---

[1]) *Kalina*, Historya języka polskiego, I, 56, 70, 96, 121, 159, 160, 171, 201.

[2]) Сравни еще польск. *szczególny* и ц.-сл. *сѫглъ*, серб. *цигли* (изъ *сцигли*). *Miklosich*, Vgl Gr., I², 288.

[3]) *Gebauer*, Historycká mluvnice jazyka českého, I, 448, 455.

[4]) Само собою разумѣется: *ш* въ польск. wszystek и т. п. можетъ быть другаго происхожденія (здѣсь можетъ быть первое смягченіе гортанныхъ).

ческихъ Отрывкахъ: вѣшѣхъ сватыхъ), въ нарѣчіяхъ suše, tiše (= церк.-слав. сусѣ, тисѣ), и въ словахъ šedivý, šerý.

Ходячее объясненіе появленія шипящихъ на мѣстѣ ожидаемыхъ свистящихъ таково: очень мягкіе свистящіе уже въ историческое время перешли въ шипящіе. Но, какъ мы видѣли, свистящіе сохранились рядомъ съ шипящими. Сверхъ того, и это главное, — невѣроятно, чтобы одно и то же звуковое явленіе съ одними и тѣми же ограниченіями могло произойти въ нѣсколькихъ сосѣднихъ между собою языкахъ.

Позволяемъ себѣ предложить другое объясненіе. По нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ сѣверо-западн. говорахъ обще-славянскаго яз. второе смягченіе было тожественно съ первымъ, то-есть состояло въ переходѣ гортанныхъ въ шипящіе. Съ теченіемъ времени эти говоры слились съ близкими къ нимъ говорами со свистящими изъ гортанныхъ и передали этимъ послѣднимъ часть своихъ формъ и словъ. Отсюда рядомъ, напримѣръ, въ польскомъ языкѣ формы w ręce и w niemczech, безъ всякой послѣдовательности.

Нельзя однако не замѣтить, что въ *словахъ* и въ польскомъ, и въ чешскомъ языкѣ употребляются шипящіе и свистящіе вполнѣ послѣдовательно: рядомъ съ чешск. však нѣтъ vsak, рядомъ съ šerý нѣтъ serý, и наоборотъ — рядомъ съ польск. cały нѣтъ czały.

Существовавшія нѣкогда рядомъ формы имен. мн. włosi и włoszy вызвали къ существованію при формѣ им. мн. naszy — форму им. мн. nasi, пользующуюся въ современномъ польскомъ языкѣ значительнымъ распространеніемъ.

Слова сѣра и *шара* (съ *а* изъ *ѣ* = ē), очевидно, не родственны съ словомъ сѣръ, какъ показываетъ различіе въ звукахъ польск. siara и szary, чешск. síra и šerý.

6.

Церк.-славянскій, сербскій, словинскій и русскій языки имѣютъ смягченіе древнихъ *і*, *к*, *х* въ свистящіе передъ *в* съ послѣдующимъ мягкимъ гласнымъ: *цвѣтѫ*, *цвисти*, *цвѣтъ* и т. п.

Но въ этихъ языкахъ слово *скъорна* сохраняетъ свое *к*, не смотря на нахожденіе послѣ него *ъ*. Почему?

Если судить по аналогіи, дѣло въ звукѣ *с*.

Въ великорусскихъ формахъ 3 л. ед. конечное *т* отвердѣло вездѣ, гдѣ передъ нимъ гласный: *идетъ* и т. п. Но оно сохранило свою древнюю мягкость, если передъ нимъ *с*: *естъ*, *вѣстъ*.

7.

Въ одномъ изъ малорусскихъ текстовъ, находящихся въ недавно изданныхъ г. *Гринченкомъ* „Этнографическихъ матеріалахъ“ (II, 345), мы встрѣтили глаголъ *роздявляти, роздявити* = разинуть. Онъ лишь немногимъ отличается отъ обычнаго въ малорусскихъ говорахъ глагола *розявляти* (см. словарь *Желеховскаго*) — группою *зд*͡ на мѣстѣ *зз*͡; но именно эта особенность и представляетъ интересъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшій видъ приведенныхъ глаголовъ — *зъявляти* (срв. польск. областное ziajać зѣвать, Sprawozdania Komisyi językowej, IV, 352; сѣв.-великор. *съяти, зъяти* сіять, *Пермскій Сборникъ*, I, 20 и др.), и что *зд*͡ и *зз*͡ восходятъ къ *зъ*, *зj* (съ *зз*͡ сравни *дд*͡ въ *суддя* и т. п.). Равнымъ образомъ трудно сомнѣваться, что *зд*͡ произошло изъ *зз*͡: вполнѣ однородное явленіе мы имѣемъ въ бѣлорусскихъ формахъ 2-го лица един. числа возвратнаго залога: *боисьтя* и т. п., изъ *боисся*. Передъ нами одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ диссимиляціи согласныхъ, очень важный для объясненія церковно-славянскихъ *жд*͡ и *шт*͡ изъ *дj* и *тj*. Онъ дѣлаетъ совсѣмъ ненужною теорію происхожденія *жд*͡ и *шт*͡ путемъ перестановки и позволяетъ настаивать на объясненіи происхожденія этихъ группъ ближайшимъ образомъ изъ *жж*͡, *шш*͡ путемъ диссимиляціи.

8.

Современный русскій языкъ почти совсѣмъ не знаетъ исключеній изъ закона такъ называемаго смягченія губныхъ согласныхъ: язвлю, уязвляю, уязвленъ, умерщвлю, умерщвляю, умерщвленъ, вытрезвлю, вытрезвляю, вытрезвленъ, отожде-

ствляю, осуществляю, очерствляю, развѣтвляю, рѣзвлюсь и т. д. Можно отмѣтить лишь клеймёный, заклеймонъ отъ клеймить, оскобенъ отъ оскобить, по всей вѣроятности новообразованія. Но въ старыхъ русскихъ памятникахъ исключенія гораздо болѣе часты [1]).

Слова уязвляю, уязвленъ, умерщвляю, умерщвленъ и въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ текстахъ русскаго происхожденія до XV вѣка постоянно или почти постоянно не имѣютъ *л*. Если мы возьмемъ недавно изданный Христинопольскій Апостолъ XII в. [2]), то въ немъ найдемъ умьрщвяѥть, умьрщвяѥте, умьрщвяѥми (им. мн., два раза), умьрщвена (род. ед.), при полномъ отсутствіи формъ съ *л* послѣ *в*; въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по списку XII в. мы встрѣтимъ умьрщвяѥмъ, л. 4; въ Словѣ Иларіона по Мусинъ-Пушкинскому списку 1404 г., стр. 33, и въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, стр. 207: уязвенъ; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: умерьшвена, умерьшвенье 101, умершвяеми 118 об. и т. п. Сверхъ этихъ словъ, въ древне-русскихъ текстахъ есть слова трѣзвениѥ (въ Румянцевской Лѣствицѣ XII в., въ Христинопольскомъ Апостолѣ и друг.; рядомъ трѣзвьниѥ отъ трѣзвѣти) и вълшвениѥ (Хронографъ Амартола по списку XIV вѣка, л. 52 об. и друг., при вълшвлениѥ и вълшвити). Въ сравнительно позднемъ памятникѣ — Четьихъ-Минеяхъ Макарія есть слово благословещвенъ (сентябрь, стр. 1376, 1377 печ. изд., отъ благословествити).

Рядомъ съ этими словами въ древне-русскихъ текстахъ есть однородныя слова съ *л* послѣ *в*: умьрщьвлену, Ап. 1220 г., л. 25 (рядомъ: умерщвена, ib., и т. п.); язвленъ, Законъ судный по сп. XIV—XV в. (*Р. Достопам.*, II, 187); трѣзвление,

---

[1]) Оставляемъ въ сторонѣ слово *земля*, находящееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ одной изъ двинскихъ грамотъ XIV в. и (нѣсколько разъ) въ Погодинскомъ спискѣ переведенныхъ съ латинскаго книгъ Ветхаго Завѣта, № 84, — такъ какъ въ предкѣ его не было j-та. Житіе преп Сергія Радонежскаго по Софійскому списку XV в. № 1348 имѣетъ: земедѣлець, -лцѣ, л. 198 об.

[2]) Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani edidit *Aem. Kałużniacki*. Vindobonae, 1896.

Пандекты Антіоха XI в.; но они въ этихъ текстахъ отнюдь не распространены.

Церковно-славянскіе памятники въ вопросахъ касающихся смягченія губныхъ, какъ извѣстно, лишены значенія. Впрочемъ отмѣтимъ: умръштвьяти, умръштвено, уязвенъ въ Супрасльской рукописи; умрьщвѣѧи, умръщвѣѧ, умръщвено въ Синайскомъ Требникѣ.

Старо-сербскіе памятники въ этихъ вопросахъ, напротивъ, очень важны. Но мы не владѣемъ данными изъ нихъ.

Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства мы должны ограничиться гипотезой.

Всѣ приведенныя выше древне-русскія слова имѣютъ передъ губнымъ какой-нибудь нѣмой согласный Это позволяетъ намъ предположить, что j-тъ послѣ губныхъ въ общеславянскомъ языкѣ перешелъ въ мягкое *л* лишь тогда, когда передъ губными былъ или гласный, или согласный плавный, и что онъ слился съ губными, когда передъ ними былъ согласный нѣмой.

Современныя русскія слова, въ родѣ выписанныхъ въ началѣ этой статьи, и однородныя съ ними древне-русскія слова легко могутъ быть объяснены какъ новообразованія: *язвлю* обязано своимъ образованіемъ аналогіи *явлю* и т. п.

9.

Памятники новгородскаго и псковскаго письма XIII—XV вв. даютъ намъ, какъ извѣстно [1]), рядъ случаевъ употребленія мягкаго *л* вмѣсто группы: *в* + мягкое *л*: Ярослаль дворъ, Переяслаль, Жидослаличь, присталивати, напраливати [2]), и т. п. Современный псковской говоръ сохраняетъ кро*ля*=кро*вля*.

Въ Дечанскихъ хрисовулахъ Стефана Дечанскаго и Стефана Душана, изданныхъ въ *Гласник*'ѣ *Српског Ученог Друштва*, 2 отдѣл , кн. 12, и заключающихъ въ себѣ огромное количество славянскихъ собственныхъ именъ, мы встрѣчаемъ рядъ

---

[1]) Наши „Лекціи по ист. р. яз.“[4], стр. 36.

[2]) Запись Словъ Исаака Сирина 1472 г (Рум. Муз № 494): напраливаите Написаны во Псковѣ.

патронимическихъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: Драгославикь= Драгославић, 8, 98, Хранислаикь 8, 96, 102, Братослаикь 100, 105, 118, 119, 124, Радослаикь 102, 105, 116, Прибислаикь 102, Прьвослаикь 107, 116, Станислаикь 115, на Градислалю црьквь 122.

Сходныя съ ними слова мы находимъ и въ другихъ древнесербскихъ документахъ, между прочимъ въ тѣхъ, которые изданы Миклошичемъ въ „Monumenta serbica“ (напримѣръ, Збислаикь). Современный сербскій языкъ сохраняетъ въ себѣ нѣсколько словъ, гдѣ нѣкогда было опущено *в* передъ мягкимъ *л*; таковы: забальати, ждрал, ждрао=*жьравль, срв. русс. жеравль, журавль; црьен = черевленъ Срв. Miklosich, Vgl. Gr. I², 414.

Для насъ остается вопросомъ, когда произошло опущеніе *в* передъ *л* въ русскихъ говорахъ съ одной стороны и въ сербскомъ языкѣ съ другой, и насколько можно признать какую-либо зависимость между тожественными явленіями двухъ этихъ языковъ. Но мы считаемъ несомнѣннымъ, что это опущеніе, въ приведенныхъ выше русскихъ и сербскихъ словахъ (и въ словахъ однородныхъ съ приведенными), не имѣетъ связи съ тѣмъ гораздо болѣе древнимъ измѣненіемъ группъ *в* + *л* и *в* + *р* въ началѣ и серединѣ словъ, которое Бругманъ называетъ „urbaltisch-slavisch“ и которое, повидимому, равно принадлежитъ и славянской, и литовской семьѣ языковъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ приведенныхъ словахъ *л* произошло изъ *j*-та уже на славянской почвѣ.

10.

Тредьяковскій пишетъ не дро*ж*ать, а дро*жж*ать, на основаніи, очевидно, извѣстнаго ему произношенія этого слова [1]). Дѣйствительно, есть великорусскіе говоры, имѣющіе дро*жж*ять, а польскій языкъ знаетъ слово муж. р. dreszcz, которому у малорусовъ соотвѣтствуетъ слово дро*щ*ь, у великорусовъ

[1]) Изрѣдка такъ пишутъ и теперь. См *Метерлинкъ*, Смерть Тентажиля. Перев. Фоняковой. Екатеринославъ, 1903, стр. 10: дро*жж*итъ листъ.

же должно бы соотвѣтствовать слово дро*жжь*. Этимологія приведенныхъ словъ довольно ясна: обще-славянское *дръжь* (ед. ч.) = литовское drugīs (мн. ч.). Такъ какъ русское двойное *ж* можетъ восходить или къ группѣ *зд*, или къ группѣ *зг*, и такъ какъ группа *зд* на славянской почвѣ не испытываетъ измѣненій передъ мягкими гласными, то, очевидно, въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ дѣло съ группою *зг*, въ которой *з* произошло изъ *г*, иначе говоря, передъ нами ясный случай происхожденія группы *зг* изъ группы *гг*. Конечно, группа *гг* въ свою очередь можетъ происходить изъ группы *кг*.

Указанный нами случай образованія *зг* изъ *гг* — не единственный. Мы можемъ указать нѣсколько другихъ сходныхъ случаевъ; передъ нами слова:

обще-слав. ро*зг*а; срв. ро*ж*ьнъ (палка), рогозъ, рогози*ѥ* juncus, русск. рогожа, гр. ῥάχος, ῥῆχος терновая вѣтвь, розга;

обще-слав. дрѧ*зг*а; срв. ц.-сл. дрѫгъ, польск. drąg [1]);

обще-слав. ви*зг*ъ, русск. ви*зг*а̀, ви*жж*ать; срв сербск. ви*к*ати;

русск. вере*зг*а, вере*жж*ать; срв. обще-сл. вър*ч*ати, русск. вор*к*овать, литовск. ver*k*ti плакать;

русск. ло*зг*ъ лощина (Даль) при ло*г*ъ, ло*ж*бина;

русск. ля*зг*ъ (цѣпей), ля*зг*ать; срв. греч. ἔλακον, λάσκω (вмѣсто λακ-σκω, звучу);

русск. лу*зг*а, вылу*зг*а; срв. чешск. koželu*h*.

Вѣроятно, подвергнувъ тщательному анализу русскія бры*зг*ъ, бре*зг*ать, мелю*зг*а, дребе*зг*и, мы найдемъ возможнымъ объяснить ихъ *зг* также изъ *гг*.

Если группа *гг* перешла въ *зг*, то группа *кк* (первое *к* можетъ быть изъ *г*) должна была перейти въ *ск*.

Дѣйствительно, рядомъ съ *зг* въ родственныхъ словахъ мы имѣемъ *ск* и происшедшее изъ этой группы *щ*:

ц.-сл. ви*ск*ати, ви*шт*ати (Усп. Сборн. XII в.), при ви*зг*ъ;

ц.-сл. врѣ*шт*ати, русск. вере*ск*ъ, вере*щ*ать, польск. wrza*sk*, при вере*зг*а;

---

[1]) Златоструй XII в.: пустая мѣста и дряжьная 77 (*ж* изъ *г*?).

русск. *лоскъ* (грам. XV в.; Матеріалы *Дювернуа*), *лощина*, при *лозъ*;

русск. *ласкать* (губами, Домострой), при *лязгъ*;

русск. *луска*, *лущить*, чешск. luštiti, при *лузга*.

Судя по тому, что начало измѣненія группъ *дд* и *тт* въ *зд* и *ст* относится къ обще-индо-европейской эпохѣ, начало измѣненія группъ *гг* и *кк* можетъ относиться также къ этой эпохѣ.

11.

Славянскіе языки имѣютъ нѣсколько словъ съ *ъ*-ремъ или его потомками тамъ, гдѣ мы ожидали бы *ъ*-ра и гдѣ родственныя слова имѣютъ *ъ*, *ы*, *у*. Эти слова слѣдующія:

Церк.-слав. прилагательное *бъдрънъ*, откуда форма средн. рода *бедрѣно* (Синайскій Требникъ, 106); церк.-слав. прилагательное *бъ̀дрь* (Супрасльская рукопись, Слова Григорія Богослова XI вѣка). Рядомъ обще-славянск. *бъдръ*, *бъдѣти*, *будити* и т. п., литовское *budrus* и др. Срв. *бъдръ* (Маріинское Ев. 101), ср.-болг. *бедръ* (Карпинское Ев. XIII в. 122 об.).

Церк.-слав. *вънль* (Супрасльская рукопись), ср.-болгарск. *вепль* (Болонская Псалтырь, Охридскій Ап., Погодинская Пс. XII в., Орбельская Пс., Карпинское Ев. XIII в. и др)[1]. Рядомъ церковно-слав. и др.-русск. *вѫпль* (Остромирово Ев., Супрасльская рукопись и друг.), *вѫпити*, *въз-вѫпити*, современное русское *вопль*, *вопити*. Древній гласный корня виденъ изъ русск. *въпь*, чешск. *vřěti*.

Церк.-славянск. и др.-русск. *дъбрь*, откуда *дебрь* (Ассеманово Ев. 154), современное русск *дебрь*. Рядомъ др.-русск. *дѫбрь* (Златоструй XII в. 13, 80 об., Ев. 1317 г. 50 и др.), современное бѣлорусск. *дубрь* (*Шейнъ*, Матеріалы, II, 215), чешск. *dĕbř*, польск. *dębrza*, литовск. *dubus*.

Церк.-слав. *без-дънье* (Святославовъ Сборникъ 1073 года, 111 об.), откуда *бездение* (Синайскій Требникъ 7, Синайская

---

[1]) Изъ средне-болгарскихъ текстовъ *вепль* перешло въ русскіе. Это слово съ *е* мы находимъ, напримѣръ, въ Ев. 1411 г. Кіевск. Дух. Ак. 73 и въ Ев. 1527 г Имп Публичной Библ. 56.

Псалтырь 73, Супрасльская рукопись 57, сербск. Шестодневъ 1263 г., 61), современное великорусск. без-дѐнный (*Барсовъ*, Причитания, II, словарь), малорусск. денце, денечко, бѣлорусск. денцо̀, дзенцо̀ (*Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, I, 9; *Шейнъ*, Материалы, II, 209), изъ *дьньце. Рядомъ церк.-слав. дъно, современное великорусск. донцо̀, донышко, литовск. dubus, dūburīs. Срв. церк.-слав. и древне-русск. дъно, бездъна (вполнѣ обычныя въ древне-русскихъ текстахъ, начиная съ Остромирова Ев.), род. п. множ. бездънъ (Синайская Псалтырь 148), современное великорусск. дѐнышко.

Древне-русск. мъдьлнъ, мъдълити (Остромирово Ев., Святославовъ Сборникъ 1073 г., Святославовъ Сборникъ 1076 г., Юрьевское Ев. и др.), откуда медленъ, медлить. Рядомъ церк.-слав. мъдълъ, мъдлъ, мудънъ, мудити, др.-русск. мотчати (изъ мъдъчати) медлить (Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ по списку XV в.), ст.-польск. medł = мъдлъ, польск. mądzić, литовск. mauda, maudoti.

Древне-русск. рѣдръ (Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рѣдръ, Амартолъ XIV в.: волною редрою 41 об. и др.), откуда старо-русск. редръ (Акты Юрид., 459, нач. XVII в.), современное сѣверно-великорусск. рѐдръ. Рядомъ общe-слав. рѣдѣти, руда и друг., санскр. rudhiras, греч. ἐρυθρός.

Церк.-слав. и древне-польск. рыѣтати, рыѣтъ, откуда репѣтание (Синайскій Требникъ 168), репетъ (средне-болгарск. Македонскій Ап., *Arch. für slav. Phil.*, X), старо-польск. rzeptać (Biblia kr. Zofii, 83). Рядомъ, съ другимъ суффиксомъ, общe-славянск. рѣпътати, рѣпътъ, современное русск. роптать, чешск. řeptati, литовск. rūpas и друг.

Древне-русск. скърбь, скърьбь, съръбънъ, откуда скербь, скербенъ (очень часто въ древне-русскихъ текстахъ, начиная съ древнѣйшихъ). Рядомъ древне-русск. скърбь, откуда современное скорбь, латышск. skurbt (руссизмъ?) быть безсильнымъ. Срв. древне-русск. скърбѣти, скербѣти (Галицк. Ев. ок. 1266 г. и друг.).

Древне-русск. съсьць (Остромирово Ев., Архангельское Ев. 1092 г., Путятина Минея XI в., Стихираръ 1157 г., Успенскій Сборникъ XII в. и др.), откуда сесець (Добрилово Ев. и др.,

часто). Рядомъ церк.-слав. и др.-русск. съсьць, откуда сосець (Ассеманово Ев. 130), современное русск. сосецъ, соска, церк.-слав. и др. русск. съсати (сьсьца съсуть Успенскій Сборникъ XII в., съсущая сьсьца Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ.), современное русск. сосать, др.-русск. исысати (Коломенская Палея 1406 г. 6), сѣв.-великорусск. обсысало обжора, малорусск. висисати, польск. wysysać. Рядомъ др.-русск. сьсати (Стихирарь XII в. Академіи Наукъ 11 об., 159), современное русск. сиська. Срв. др.-в.-нѣм. sūgan, соврем. нѣм saugen.

Церк.-слав. и др.-русск. тръсть, тръстьѥ, откуда тресть, трестье (Синайскій Требникъ 91, 100, Юрьевское Ев. нач. XII вѣка и др.), чешск. třtí. Рядомъ др.-русск. тръсть (Архангельское Ев. 1092 г. и др.), откуда трость, чешск. trest', род. trsti и třti; польск. treść, литовск. trušis (солома). Срв современное сѣверно-великорусск. трёсточка, трёсникъ (*Жив. Стар.* 1893 г., III, 374), затрестье (Рыбниковъ, Гильфердингъ, былины), треста осока, чешск. třtina, польск. trzcina (изъ *тръстина).

Къ этимъ словамъ, кажется, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія слова:

Церк.-слав. бъшиѭ (Супрасльская рукопись, Чудовская Псалтырь XI в.), др.-русск. бъшью, бешью (Амартолъ XIV в. 140, 141, 143 об., 146 и др., Житіе Саввы Освященнаго XIII в. 83 об.). Рядомъ церк.-слав. бъшьѭ, бъхъма, бъхъмъ (Супрасльская рукопись), др.-русск бъшью, бошью (между проч. Амартолъ XIV в.), бъхъма, бохма. Срв. др.-русск. бъхъма, бехма (Богословіе Іоанна Дамаскина XII в. 17, Патерикъ Синайск. XII в. 65 об., Выголексинскій Сборникъ XII—XIII вв. и др.).

Церк.-слав. и др.-русск. до-вьльнъ, довьленъ (Остромирово Ев., Супрасльская рукопись, Пандекты Антіоха XI в., Патерикъ Синайскій XII в. и др.). Рядомъ церк.-слав. и др.-русск. до-вълнъ, довольнъ, доволъ, воля, велѣти, латинск. volo, velle и друг.

Русск. стрёжъ быстрая струя (Ломоносовъ), ст.-чешск. strziess charybdis, изъ *стръжь. Рядомъ струга волна, струя и т. п. (корень sru-).

Явленіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, на нашъ взглядъ, заключается въ слѣдующемъ.

Если въ словѣ находится рядомъ два слога, одинъ съ ъ, другой, слѣдующій, съ ь (трѣсть), — то ъ перваго можетъ быть замѣненъ черезъ ь.

Это явленіе принадлежитъ къ числу спорадическихъ (срв. дрѣжь [1]), дѣждь, кѣзнь, плѣть, тѣщь) и можетъ восходить лишь къ позднѣйшей эпохѣ обще-славянскаго періода (а въ сѣрбь, какъ показываетъ *к*, — даже къ эпохѣ существованія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ).

Оно можетъ быть объяснено какъ ассимиляція гласныхъ въ рядомъ стоящихъ слогахъ, однородная съ тою, которую мы имѣемъ въ древне-русскомъ телесе, *телеси* и т. д. (при тѣло), въ малорусскомъ *багатъ*, *гаразд*ъ, *гарячий*, вѣроятно, въ великорусск. ребёнокъ (при робёнокъ), въ ново-греческ. ἀρφανός — ὀρφανός, μαναστήρ, μαναχός и т. п. (*Foy*, Lautsystem der griechischen Vulgärsprache, 98) [2]).

Мы отмѣтили выше бѣдръ, дѣно, трѣстина. Ихъ ѣ легко объясняется тѣмъ, что слова бѣдръ, дѣно, трѣстина подверглись вліянію близко родственныхъ бѣдрънъ, бѣждрь, -дѣньс, трѣсть.

12.

Славянскіе языки имѣютъ небольшой рядъ парныхъ словъ Въ одномъ словѣ пары въ двухъ слогахъ два *е*, въ другомъ — два *о*: русск.

велетъ — волотъ,
Велесъ — Волосъ,
лебеда́ — *лобода́*,
лепета́ть — *лопота́ть*,
пелена́ — ст.-чешск. polona (involumentum), и т. п.

Одни языки предпочитаютъ одно изъ двухъ парныхъ словъ (чешск. lebeda), другіе — другое (словацк. loboda); третьи

---

[1]) Чешск (моравск) dřehnu дрожу своимъ ř какъ-будто указываетъ на то, что нѣкогда въ чешскомъ языкѣ было *дрьжь. Др.-русское Житіе Нифонта имѣетъ: въздрѣгнувъся, л. 129 (что можно читать и въздргн-, съ плавнымъ гласнымъ). Срв. лит. drągìs.

[2]) Объ этомъ явленіи въ другихъ языкахъ см. *Passy*, Etude sur les changements phonétiques, 186—189.

(какъ русскій) пользуются обоими словами, иногда (какъ въ лепета́ть и лопота́ть) съ разными значеніями.

По нашему мнѣнію, здѣсь одинъ изъ случаевъ ассимиляціи гласныхъ.

Возьмемъ слова *пепелъ* и *попелъ* [1]). Несомнѣнно, корень ихъ *пел-*, родственный съ корнями словъ *пламѧ*, *палати* и др. Начальное *по* во второмъ словѣ — обычный префиксъ. Значитъ, нѣкогда оба слова звучали *по-пелъ*. При ассимиляціи гласныхъ обычнымъ путемъ вмѣсто *о* явилось *е* и получилось первое слово.

Возьмемъ глаголы *лепетать* и *лопотать*. Суффиксы *ет* (срв. *трепетъ*) и *от* (срв. *рокотъ*) имѣютъ одно значеніе и употребляются рядомъ. Предположимъ, что нѣкогда было *лопетъ* и *лопотъ*. Допустивъ въ первомъ словѣ ассимиляцію гласныхъ, мы объяснимъ себѣ появленіе *е* въ *лепетъ* [2]).

Идя тѣмъ же путемъ, мы придемъ къ тому выводу, что парность подобныхъ словъ — исконная, но разница между ними нѣкогда была только въ одномъ гласномъ — второмъ отъ начала [3]).

Мы имѣемъ три великорусскихъ слова, состоящихъ изъ двухъ одинаковыхъ слоговъ: *дядя*, *тятя*, *няня*.

Конечное *я* въ нихъ легко объяснить. Оно изъ ѧ, обычнаго окончанія уменьшительныхъ [4]). Но что такое *я* въ начальномъ слогѣ?

Изъ ѧ его нельзя объяснить: ближайшіе родственные языки не указываютъ на носовой элементъ.

Рядомъ съ *дядя* у насъ есть *дѣдъ*, уменьшительное отъ котораго могло нѣкогда звучать **дѣдѧ*.

---

[1]) Здѣсь *е* передъ *л* — древнее. Срв. въ Святосл. Сборн. 1073 г.: въ пепелѣ 238, и др.

[2]) Суффиксы *ькъ* и *тко* дали два слова съ однимъ значеніемъ: **тьнькъ* и **тънъкъ*. Второе, подвергшись ассимиляціи гласныхъ, превратилось въ *тънъкъ*, современное русск. *тонокъ*.

[3]) Бѣлор. *вереби́й* должно восходить къ *воробе́й*.

[4]) Срв. наши „Лекціи по ист. р. яз.“, стр. 184.

[5]) О близости значеній *дѣдъ* и *дядя* говорятъ лат. avus и avunculus (уменьшительное) Древне-русскій языкъ знаетъ только *стрыя* и *уя*, дядю по отцу и дядю по матери. Изъ нихъ *уй* родственно съ лат. avus. Но

Рядомъ съ *тятя—тетька*, малорусск. *тато* отецъ.

Рядомъ съ *няня* — малорусск. *ненька* мать; срв. греческ. νέννος дядя, νέννα тетка.

Можно догадываться, что и въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ ассимиляціей звуковъ: мягкій гласный + *а* или одно *а* начальнаго слога появились благодаря вліянію конечныхъ звуковъ.

13.

Старо-чешскіе, старо-польскіе и старо-хорватскіе [1]) памятники нерѣдко (хотя и непослѣдовательно) употребляютъ по двѣ гласныхъ буквы тамъ, гдѣ нужно изобразить долгій гласный звукъ. Наше старое письмо также знаетъ употребленіе двухъ гласныхъ буквъ (безъ всякой послѣдовательности). На него до сихъ поръ не обращали вниманія [2]). Конечно, привычка писать дѣл*аа*хъ, велик*аа*го, добр*ыи*хъ и т. п. тамъ, гдѣ писецъ произносилъ и слышалъ дѣлахъ, великого, добрыхъ, легко могла привести къ привычкѣ писать *аа*, *ии*, *ыи* въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было никакого звуковаго основанія для подобныхъ сочетаній. Но все-таки не мѣшаетъ обратить вниманіе на употребленіе двухъ гласныхъ, такъ какъ оно часто совпадаетъ съ древнимъ или современнымъ удареніемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія двухъ гласныхъ:

Остромирово Ев.: назар*яа*нина 18, пар*аа*клитъ 49 об , глагол*аа*лъ 55, глагол*аа*ти 171 дважды, въ притъч*аа*хъ 173, съборищ*ии*хъ 80.

Святославовъ Сборникъ 1073 г.: в*аа*мъ 190, много*аа*мъ 209, притъч*аа*ми 242, въ жрьнов*аа*хъ 212, въ бѣл*аа*хъ ризахъ 260 об., о дъск*аа*хъ 237 об , мрьтвъц*ии*хъ 192, к*аа*мыкъ 258, тал*аа*нтъ 211, сочи*ии*вѣмь 260.

дядько и *нянько* въ значеніи воспитатель извѣстны по памятникамъ съ XIII вѣка (Ипатск. сп. лѣт.; смоленскія и галицкія грамоты; Лавр сп.).

[1]) См. статью Даничича въ *Rad*'ѣ, XX, 150 сл.

[2]) Кромѣ употребленія въ галицко-волынскихъ памятникахъ. Эти тексты иногда имѣютъ *оо* вм. *о* въ *воовьца* (=овца) и т. п.; Поликарпово Ев. 1307 г. имѣетъ: рци убо *ѣѣи* 111.

Слова Григорія Богослова XI в.: величааниѥмь 13, утѣкаании 27, изуутрь 155, отъ ниихъ 110, сѫдиище 231.

Пандекты Антіоха XI в.: съповѣдаати 3, 6 об., възъалкаашя 27 об.

Пантелеймоново Ев. XII в. Софійской Библіотеки: глаголааша 50 об., 64, 68, 68 об., 70 об., бѣжааша 71 об., 106, събьраашяся 78, прельстиити 59 об , бииша 68 об.

Житіе Епифанія Кипрскаго XII в. той же библіотеки: искочи из дрязгьги противу 34, мирьскьгия твари 36, обьгичаи 62, сътвориии молитву 67 об., бѣаху вся богатиньги на столѣхъ 68, буди и тьги съдравъ 68 об.

Златоструй XII в.: свитахъ срациньскаахъ 71.

Богословіе Іо. Экзарха XII в.: часто ьги, ии вм. ьг, и.

Слово Ипполита объ антихристѣ: инѣмии сказаниими, кораблиихъ, съкровищиихъ, чловѣчьскаамъ, предълежаащаго, пытаани, пакьги, и др.

Слова Кирилла Іерусалимскаго XII в. Синодальной Библіотеки: притьчаахъ 57 об.

Житіе Нифонта 1219 г.: съкрьгися 67, льстиивыи, ниищю 99 об.

Ев. 1357 г.: горѣ ѥлевооньстѣи 88.

Ев. 1358 г.: открьгися (аор.) и др.

Луцкое Ев. XIV в.: бѣжааша 127, отъвѣщаавше 141, идуущимъ 106 об., съвоиимъ (дат. п.) 88. То же употребленіе двухъ гласныхъ буквъ и (что̀ важно) въ тѣхъ же приблизительно случаяхъ мы находимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ, не самыхъ древнихъ. Требникъ XII—XIII в. Рум. Муз. № 1716: утѣшишии мѧ, забьгихъ, въслаждааеми, въ темницаахъ, въ гораахъ, въ пещераахь; Карпинское Ев.: вь притьчѣахь, притьчѣами; въ Тріоди Григоровича (*Срезневскій*, Пам. юс. письма): Пилаатъ, Вараавѫ, въстаавъше и др. Но особенно часто оно въ старыхъ сербскихъ памятникахъ, начиная съ Волканова Ев., гдѣ: женаа, водиі, вьпросии и т. п. *(Кульбакинъ)*. Отмѣтимъ изъ нихъ: въ Тріоди XIV в. Имп. Публичной Библіотеки (F. п. I. 103): показаави 2, въздрьжааніиа 2, -ѥмь 2 об., врааги 2 об., льстьгивааго 2 об., вавилоньскіиѥ пещіи 2 об., поревну-

имьь 2, поѥмьь 3 и т. д., или въ Ев. XIV в. той же библіотеки (F. п. I, 100): притьч*аа*хь 3, владыкахь іудов*аа*хь 6 об., послуш*аа*вше 7, вел*іи*кааго 15, срач*іи*цу 15 об., пророкъь (род. мн.) 13 и т. д. Особенно часто встрѣчается *ии*, *іи*, *ъи* вмѣсто *и*, *ъ*, и еще *ъь* въ окончаніи род. пад. множ. ч. (гдѣ теперь сербскій языкъ имѣетъ долгое *а*).

Единичные случаи имѣются и въ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ памятникахъ: въ Синайской Псалтыри — мед*аа* и съта, р*аа*здѣлішѧ (по изд. Гейтлера стр. 35, 41).

Мы не рѣшаемся сказать что-нибудь опредѣленное о значеніи употребленія двухъ гласныхъ, за недостаткомъ собранныхъ нами данныхъ.

Старые чешскіе, польскіе и хорватскіе грамматики говорятъ объ употребленіи двухъ гласныхъ буквъ для обозначенія одного долгаго звука. У хорвата Вранчича (1606 г.) говорится „*аа*, *ее*, *іі*, *оо*, *ии* hae vocales designant syllabas *longas*“: n*аа* mist*оо*, Agat*ее*, divic*ее*, stran*ее* (род. ед.), glav*оо*m, duš*оо*m (твор. ед.), div*іі*c*аа* (род. мн.), и т п. [2]).

14.

Стоитъ отмѣтить, что въ древне-русскихъ памятникахъ, на мѣстѣ древней группы: *р* + *ъ*, *ь* + согласный, иногда (гдѣ не препятствуетъ аналогія) является группа: *ъ*, *ь* + *р* + согласный, въ современномъ языкѣ звучащая какъ *о*, *е* + *р* + согласный. Вотъ имѣющіяся у насъ данныя:

б*ър*зды, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 98 (рядомъ. въ б*рь*здахъ, 63 об.); наложити б*ър*ъзду, Рязанская Кормчая 278 об.; при: б*ръ*зды, Путятина Минея XI в. 109; б*ръ*зда, Саввина Тріодь 1, б*ръ*здами, Златоструй XII в. 77; б*ро*зды, Погодинскій Прологъ XIV в. № 59, 10; при современномъ литературномъ б*ра*зды правленія;

г*ър*тань, Житіе Нифонта 1219 г. 43 об., Апостолъ 1220 г.

---

[1]) Данныя изъ сербскаго сп. XIII в. Учительнаго Ев. Константина Болгарскаго — въ статьѣ *И. В. Ягича* въ *Starin*'ахъ, V, 36.

[2]) Обильные факты — въ статьѣ Даничича.

21, Слова Григорія Богослова XIV в. Синодальной Библ., 79 об., современное великорусское г*о*ртань;

д*ѣ*рва въжьгохъ, д*ѣ*рва пожьгохъ, Златоструй XII в., л. 93 об., при обычномъ др*ѣ*ва, современномъ др*о*ва;

стърмлѥние, Тріодь XII вѣка Типографской Библіотеки № 255, 9; устърмлѥние, стърмь, стърмѣ κυρίως, Лѣствица XII вѣка Румянц. Муз. № 98, лл. 80, 99, 105 об., 115; при обычномъ стр*ъ*-, современномъ стр*е*мленіе и т. п.

Сюда можно присоединить современныя великорусскія: стер*ж*ень, при стр*е*жень, Палея 1406 г., 6 об., старо-чешск. strzen (*Listy Filol.* 1892 г., стр. 388), польск. zdrzeń, и суд*о*рога, судорга, при др*о*жу, др*о*жь = др*ъ*жь, и т. п.

Промежуточная группа звучала: *р*+согласный. Срв. новоболгарск. сѫлза и т. п. изъ слъза, черезъ слза.

Можетъ быть, есть какая-нибудь связь между приведенными фактами и такими, какъ современныя великорусскія и бѣлорусскія *о*ржаной, *о*льняной, *о*ртачиться, в*о*льготный, *О*рша, псковское *и*рнивый (= *ер*-? ревнивый), рядомъ съ *р*жи, *л*ну, *л*ба, *л*гать, *л*нуть, *р*вать, *р*жать, *р*жавчина, *р*та.

15.

При изслѣдованіи малорусскаго нарѣчія почти не обращалось вниманія на нѣсколько словъ съ неожиданнымъ *і* (въ украинскомъ и галицкихъ говорахъ) вмѣсто *о* и *е*. Это—собственныя имена В*і*вдя, изъ *Овьдя или *Овъдя (срв. млр. Явдоха, великорусск. Овдотья) [1]), Х*і*вря (срв. великорусск. Ховронья), *І*вга (= Евгенія), Он*і*хро (при Онопрій), К*і*ндратъ, Пр*і*ська, Пр*і*ся (срв. великорусск. Фроська, Фрося = Евфросинія), *І*сько (срв. старыя великорусск. Есько, Есипъ, при Иесифъ въ Галицкомъ Ев. 1144 г., Типографскомъ Ев. XII в. № 1, Холмскомъ Ев. XIII вѣка и др.), *І*rmanow, названіе села (въ галицкихъ документахъ XIV—XV вв.), нарицательныя в*і*втарь (срв. церк.-слав. олътарь), к*і*мната, к*і*вната, изъ *комьната = поздн. лат. camina-

[1]) Но *О*вдій.

ta (срв. великорусск. комната), вѣрменинъ (армянинъ), вѣйтъ (польск wójt), лемковск. дрѣга (польск. droga) и т. п. [1])

Время появленія первыхъ изъ приведенныхъ словъ въ русскомъ языкѣ можетъ быть опредѣлено приблизительно: они образованы тогда, когда христіанство у насъ уже укрѣпилось и нѣкоторыя изъ христіанскихъ именъ успѣли достигнуть живаго употребленія, — слѣдовательно, уже въ историческую эпоху. Это дастъ намъ возможность сказать, что исчезновеніе глухихъ и связанное съ нимъ удлиненіе гласныхъ *о* и *е* завершилось въ русскомъ языкѣ уже послѣ принятія нами христіанства [2]).

Когда русскій языкъ заимствовалъ слово **комъната* и изъ какого языка, мы сказать не можемъ. Данныя имѣются лишь отрицательныя: многочисленные памятники русскаго происхожденія изъ XI—XIII вв. не знаютъ этого слова.

Время заимствованія у поляковъ словъ wójt, droga также намъ неизвѣстно. Но объ большой древности заимствованія едва ли можетъ быть рѣчь. Кажется, необходимо предположить, что эти слова, съ діалектическимъ ō, перешли въ малорусскіе говоры тогда, какъ малорусское о еще болѣе или менѣе совпадало въ звуковомъ отношеніи съ древне-польскимъ ó, перешедшимъ потомъ въ *y* (góra, róża).

16.

Великорусское нарѣчіе употребляетъ рядомъ слова *остолопъ* и *ослопъ* (Даль) въ одномъ и томъ же значеніи: дуракъ. Кромѣ того, второе изъ этихъ словъ употребляется (особенно въ языкѣ XVI—XVII вв.) въ значеніи дубина, палка. Несо-

---

[1]) Слова въ родѣ Сидоръ, Прокопъ, комора, въ которыхъ *о* могло явиться подъ вліяніемъ аналогіи, мы оставляемъ въ сторонѣ, также какъ и Хведько, Демко и пр., которыя сохраняютъ *е* подъ вліяніемъ Хведоръ и т. д. Съ Ermanow срв. чешск. Heřman=Ерманъ, съ ř изъ *рь*, и польск. фамилію Jermanowski. О вставкѣ глухихъ въ заимствованныхъ словахъ см. въ нашихъ лекціяхъ: „Древній церковно-славянскій языкъ", стр. 138.

[2]) Многіе изъ старшихъ нашихъ памятниковъ, восходящіе къ оригиналамъ X в. (или раньше: христіанство было у насъ при Ольгѣ, съ славянскими книгами), имѣютъ ъ и ь вездѣ, гдѣ ихъ требуетъ этимологія.

мнѣнно, передъ нами два близко родственныхъ слова, которыя могутъ быть возведены къ одному и тому же о-стѣлѣпъ, со вторымъ полногласіемъ (срв. стѣлѣпъ = церк.-слав. стлѣпъ, Остромирово Ев., Минея 1095 г. 12, и другіе древнѣйшіе русскіе памятники)[1]. Такимъ образомъ передъ нами такая же пара, какъ *берéвно* и *брéвно*, изъ *бьрьвьно*, и также съ древнимъ удареніемъ на конечномъ гласномъ (срв. съ одной стороны современн. великорусскія формы косвенныхъ падежей: столбá, столбý и т. д., съ другой — новообразованія, формы тѣхъ же падежей мóха, мóху, изъ мъхá, мъхý, и т. п.).

17.

Есть мнѣніе, будто наши *мóю* (или *мъю*), *бью, пью, житьё* восходятъ къ болѣе древнимъ *мыю, бию, пию, житие*. Говорятъ: въ русскомъ языкѣ произошло измѣненіе ы въ ъ и *і* въ ь. Едва ли такъ; древнее *і* передъ *j* въ великорусскихъ говорахъ сохраняется: литературное *забіяка*, *піявка*, *сіять*, *пріятель*, областное *піянъ* Очевидно, нѣкогда существовали рядомъ глагольныя основы *бія-ти*, *пія-ти*, *сія-ти* и т. п. и *бъя-ти*, *пъя-ти*, *съя-ти*, какъ существовали рядомъ основы *по-мага-ти*, *мъта-ти* и т. п. и *по-мога-ти*, *мета-ти*. О сохраненіи древняго *ы* передъ *j* въ тѣхъ же говорахъ свидѣтельствуютъ мѣстныя названія: *Кіевъ* (изъ *Кыевъ*), *Кіевцы* (урочище въ старой Москвѣ; *Мартыновъ*, Москва, 1875 г., стр. 48), фамиліи: *Кіевъ* (Новгор. писцов. книга 1500 г.; сѣв.-великорусск. грамота к. XVII в. *Акты Юр.* 443), *Кійковъ* (Писц. книга 1495 г. *Тупиковъ*). Оставляемъ въ сторонѣ литературное *кій* (изъ *кый*) съ областными *кіёкъ*, *кіюшникъ*, *кіянка* (Даль); они могутъ быть полонизмами.

Есть другое мнѣніе, будто древнее *ы* послѣ гортанныхъ и передъ *j* перешло не въ *ъ*, *о*, а въ *е*. Ссылаются на нерѣдкое въ великорусскихъ говорахъ *Кéевъ* вм. *Кіевъ*. Повидимому, въ приведенномъ названіи знаменитаго города *е* послѣ *к* явилось

[1] Начальное *о* — какъ во многихъ словахъ разныхъ языковъ — неяснаго происхожденія. — Стоитъ отмѣтить еще *стѣлопника* въ Стихирарѣ XII в. Акад. Наукъ, л. 67 об.

довольно рано: написаніе Кѣевъ встрѣчается въ Ипатскомъ сп. лѣт.; его мы видимъ въ Сборникѣ XIV в. Троицкой Лавры № 39, л. 51 об; можемъ указать его еще въ майской книгѣ Макарьевскихъ Миней (по Успенскому экземпляру лл. 410, 412) Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другимъ звуковымъ явленіемъ — съ переходомъ *и* послѣ гортанныхъ въ *е*, свойственнымъ разнымъ великорусскимъ говорамъ и отмѣченнымъ какъ въ исконныхъ русскихъ, такъ и въ заимствованныхъ словахъ.

Мы имѣемъ: прихе́риться (при про́-хиръ и т. п.; корень хыр-), раке́товъ кустъ (онежск. былины), фамиліи: Ке́кинъ (срв. кика) [1]), Сёке́ринъ, Керовъ (въ дѣлѣ Синодальн. Архива 1736 г. № 137; отъ Киръ), спитрахе́ль [2]), стихе́ра; сверхъ того, въ Сборникѣ 1422 г. Имп. Публ. Библ Q. I. 312: Рахиль, л. 129 об. Кстати отмѣтимъ неясныя по происхожденію мѣстныя названія: Кетово (Ярославск. уѣзда; отъ Китъ = Титъ?) и Кесово (Меленковск. уѣзда Владим. губ.).

18.

Одно изъ любопытныхъ явленій въ исторіи русскаго языка — ассимиляція *j*-та съ послѣдующимъ *ш*, повидимому, довольно древняя.

Уже въ очень старыхъ памятникахъ русскаго языка (почти исключительно великорусскаго происхожденія) мы встрѣчаемъ разныя падежныя формы отъ прилагательныхъ сравнительно-превосходной степени и отъ существительнаго *старьйшина* безъ *j*-та: Златоструй XII в. Имп. Публичной Библіотеки: старѣшина 13; Ев. XII в. Хлудовскаго собр., прибавленіе, № 150: старѣшина 17; Рязанская Кормчая 1284 г.: старешину, старѣшины 110, 160 об.; Апостолъ 1220 г.: любопривеше быша 53 об.; Псалтырь XIII в. Публичной Библіотеки (F. I. 1): старешии 9; Ев. 1339 г.: старишинамъ 41 об.; Ев. 1354 г.: старишинъ (род мн.), старишины 103, 113; Ев 1355 г.: старѣ-

---

[1]) Эта фамилія извѣстна съ XVII вѣка *(Тупиковъ)*. Фамилія Кикьринъ — въ документѣ XVI в. *(Тупиковъ)*; съ нею связано названіе станціи Балтійск. жел. дороги Кике́рино (близъ Гатчины).

[2]) Срв. *е* вм. *и* въ капите́ль, кадре́ль, шине́ль.

шипамъ 87; Служебникъ преп. Сергія: честнѣши хирувимъ 49; Ипат. сп. лѣт.: братъ стариший, стр. 222; Погодинскій Сборникъ нач. XV в. № 872: множашая 232; духовная Димитрія Донскаго: стариший путь, брата старишего, сыну старишему и др. [1]). Срв. сербск. старешина, чешск. stařešina. Прежде мы думали, что эти случаи опущенія буквы *и* указываютъ только на неумѣніе писцовъ передать звукъ *j*-тъ [2]), но теперь мы находимъ возможнымъ предположить, что писцы здѣсь не съумѣли передать двойное (долгое) *ш* [3]). Срв. въ Ев. 1357 г.: і*ше* смокы, у*ше* смокы 45 об., ро*жье* 140 (=ц.-слав. рождие), со*жеть* 170; въ Ев. 1358 г.: отвѣ*ша* 4, мя*ки* ризы 91 об. (рядомъ: оставле*ща* 37, причастіе прош. вр.; Ев. 1339 г.: бѣ*жаща* 10 об., 3 л. мн ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: упра*щаста*, до*щедшю*, стр. 20, посла*ща* 26 и др.; Погодинскій Сборникъ № 872. яко*же* можа*ще* и хотяше 227 об.).

Современные великорусскіе говоры имѣютъ формы сравнительной степени часто или постоянно съ звукомъ *а* (*я*) вмѣсто *ъ*. сильня́е, здоровя́е (откуда сильня́, здоровя́) и т. п. Теперь эти формы свойственны по преимуществу сѣвернымъ, окающимъ говорамъ; прежде (въ XVII в.) они были также распространены въ московскомъ, акающемъ говорѣ; во всякомъ случаѣ формы на *яе* употреблялись въ письмахъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Великимъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, Ломоносовымъ, Суморокoвымъ, Тредьяковскимъ [4]), В. Майковымъ. Съ ними должны быть поставлены въ связь великорусскія формы превосходной степени также съ звукомъ *а* (*я*): сибирск. здоровя*шшой*, крѣпча*шшой*, сильня*шшой* [5]), худя*шшой*, новгородск. бѣдня*шшой*, каргопольск. пор-

---

[1]) Буква *и* передъ *ш* (вмѣсто *ъ*) указываетъ на нахожденіе ударенія на одномъ изъ конечныхъ слоговъ. Срв. современныя великорусскія старшо́й, старши́на.

[2]) Наши „Лекціи по исторіи русскаго языка“ [4], стр. 48.

[3]) Должно имѣть въ виду, что въ старыхъ нашихъ текстахъ нерѣдко стоитъ одна буква вмѣсто двухъ тожественныхъ и что два *ш* рядомъ — рѣдчайшее явленіе.

[4]) См. статью проф. Будде въ *Журн. М. Нар. Пр.* 1898 г, № 3, стр. 167. Современныя курск. добря и т. п. отмѣчены въ *Р. Филол. Вѣстн.* 1884 г., № 2, стр. 246.

[5]) *Томскія Губернскія Вѣдомости*, 1862 г., № 7.

нящшой (при порной = сильный), архангельск. *худящшой*, московск не *мудрящій* (*Щедринъ*, Соч., III³, 51), *худящій*, *пустящій* (*пустящее* дѣло), южно-великор. *любящій* (милый) [1]); срв. вятск. *большышшой* (въ говорѣ, гдѣ *ъ* передъ мягкими согласными перешелъ въ *и*).

Теперь передъ нами малорусскія формы сравнительной степени: *скоріщий*, *скоріший*, *скоріше* и т. п., съ *щ* = *шч*; срв. малорусск. *краще*, *нище*, *вище* изъ *крашъше*, *нижъше*, *вышъше*.

Если мы сопоставимъ приведенныя данныя, мы легко придемъ къ заключенію, что въ нихъ передъ нами одно и то же явленіе — ассимиляція *j*-та съ послѣдующимъ *ш* и образованіе затѣмъ двойнаго *ш* (откуда *шч*).

Само собою разумѣется, другія наши прилагательныя на *щій*, въ родѣ *гуляющій*, *заблудящій*, *завалящій* (товаръ), *забыдущій*, *цѣлющій*, *большущій*, *злющій*, пермское *далекушшой*, могутъ не имѣть ничего общаго съ прилагательными *худящій* и т. п., и несомнѣнно подновленныя великорусскія формы превосходной степени въ родѣ *расподлѣющій* (Островскій), *добрѣющій* могутъ восходить къ формамъ *подлѣйшій*, *добрѣйшій* безъ посредства формъ *подлѣщій*, *добрѣщій*.

Слѣдующіе случаи отсутствія въ русскомъ языкѣ *j*-та: подуче, поде, Лаврент. сп. лѣт. 345, 378, = поидуче, поиде; поди въ баню, Прологъ 1432 г. Имп. Публичной Библ. 145; подѣте, грамота 1556 г. (*Ѳеодотовъ-Чеховскій*, I, 137); не замайте, западно-русскія Страсти Христовы XVI в. Синодальной Библ. № 367, л. 338 об.; не замаемъ, Академическій сп. лѣт. (Лѣтопись по Лаврент. сп., стр. 479); не замати, грамота 1579 г. (*Ѳеодотовъ-Чеховскій*, I, 226); современныя великорусскія формы повел. накл. поди, подь, подѣмъ, малорусскія піду, піти (рядомъ съ пійду, пійти), великорусская форма повел. накл. не замай и т. п. (у В. Майкова: не замаютъ, не замаю, Соч., 190, 206), — могутъ быть объяснены безъ предположенія ассимиляціи *j*-та съ слѣдующимъ согласнымъ. Срв. родственныя образованія безъ *j*-та: выдоша, выде, Лаврент. сп. лѣт. 297, 325, 354, 405; соврем. выду, приду, примать, сымать.

---

[1]) *Якушкинъ*, Сочиненія, стр. 127.

Срв. ассимиляцію *j*-та съ *предъидущимъ ш* въ сѣв.-великорусскомъ *сущó* = сушье, сухая рыба (то же въ документахъ XVI—XVII вв.) [1]).

19.

Ассимиляція *j*-та съ предшествующимъ согласнымъ — явленіе извѣстное большей части славянскихъ языковъ. Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры знаютъ ее какъ нѣчто обязательное: малорусск. кам*і*ння, кам*і*нне, кам*і*ня, кам*і*не, изъ *камѣ*нје*, и т. п. Въ великорусскихъ говорахъ, напротивъ, эта ассимиляція считается неизвѣстною.

Однако существуютъ исключенія.

На мѣстѣ группы: мягкій согласный+*j*, въ корняхъ словъ, великорусскіе говоры иногда имѣютъ мягкій согласный. Въ записанныхъ проф. Будде въ Рязанской губ. текстахъ мы находимъ: *смялись* („Къ діалектологіи...“, стр. 144); срв. въ Святосл. Сборникѣ 1073 г.: *смѣятися* 230 об. и др., въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: *смѣяхуся* 42). Въ пермской пѣснѣ: *вянули* вѣтры (*Пермск. Сборникъ*, I, стр. 35); въ вятской пѣснѣ: *вянули* весельца (сб. Абрамычева, № 26); въ симбирской пѣснѣ: не было вѣтру да навянуло (*Симб. Сб.*, II, свад. пѣсни, стр. 3); въ пѣснѣ старой записи: всѣ пути зав*я*ли (= зав*я*ло? „Великорусск. нар. пѣсни“, V, № 317); волог. *вяха* ворохъ, пенз. *вяхель* котомка (Даль); срв областн. русск. *вѣять*, *вѣялица* мятель (Даль), старое собственное имя Завѣялъ и современную фамилію Завѣяловъ, пол. wiać = *вѣять, чешск. vanouti = *вѣянѣти и т. п.; срв. также мало для насъ ясное *вѣнуть* повѣять: вѣтру не давала на него вѣнуть, *Щедринъ*, Соч., VI[3], стр. 277; повѣнули вѣтры, *Пивоваровъ*, Донскія казачьи пѣсни, стр. 91. Въ пермской пѣснѣ: *лянули* дожди [*Пермск. Сб.*, I, стр. 35; срв. обл. русск. *лъяло* (Даль)]. Нѣкоторые русскіе говоры имѣютъ: разява разиня (Даль); срв. ц.-сл. зияти.

---

[1]) Собственное имя сѣверскаго воеводы *Сущъ* — въ поручной за кн. Дм. Корибута 1388 г. (изд. Спб. Археолог. Института).

Срв. сохраненіе группы: мягкій согл. + *j* въ *рьять* (пыхтитъ и какъ собака рьяетъ, В. Майковъ, Соч., стр. 178), *съять* сіять, *пьяный* и др.

Ассимиляціи *j*-та съ предшествующимъ согласнымъ не въ корняхъ словъ великорусскіе говоры, можно сказать, не знаютъ. Только въ сѣверно-русскихъ говорахъ мы слышимъ: *сущ'* = сушьё, сухая рыба (то же въ великорусскихъ текстахъ XVI—XVII вв.); въ пермской пѣснѣ мы находимъ: съ малонями со палючими (сборникъ Шишонка, стр. 57); въ нѣкоторыхъ окающихъ говорахъ встрѣчаемъ формы *трюхъ*, *трюмъ*, *трюми*, *трюмя* (послѣдняя — въ сборн. Кирѣевскаго, вып. IX, стр. 117, Симб. губ.).

Эти формы числительнаго *три* требуютъ нѣкотораго поясненія.

Древняя славянская форма род. п. отъ *три* съ именнымъ окончаніемъ звучала *трьи*, *трии*, откуда ср.-болг. и др.-русск. *трей*. Можетъ быть, не менѣе древнею слѣдуетъ считать форму того же падежа съ мѣстоименнымъ окончаніемъ *трьхъ*; потомство ея извѣстно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ (ср.-болг. Карпинское Ев. XIII в. 27; Дечанская Пс. XIII в., собр. Гильфердинга, 172 об., русск. Лаврент. сп. лѣтоп 235; русск. Погод. Кормчая XIV в. № 31, л 61 об и др.). Срв. параллельныя формы одни съ именными, другія съ мѣстоименными окончаніями отъ *дъва*, повидимому, равно древнія: род.-мѣстн. *дъву* и *дъвою*, дат.-тв **дъвома* и *дъвъма*.

Кромѣ этихъ двухъ формъ отъ *три*, въ русскомъ языкѣ развились еще двѣ формы, одна въ связи съ первою — *трью*, *трею* (прежде *трею* сотъ, посланіе архіеп. новгор. Геннадія 1489 г.; *Поповъ*, Библіограф. Матеріалы, стр. 151), другая въ связи со второю — *трихъ* (*Истоминъ* и *Дютишъ*, Пѣсни р. народа, I, стр. 203, Арханг губ.).

Изъ нихъ намъ интересна первая, образованная подъ вліяніемъ *двою*, съ окончаніемъ дв. ч

Если мы предположимъ, что форма *трью* путемъ ассимиляціи *р* и *j*-та превратилась въ *трю*, то формы *трюхъ* и проч. (образованныя одинаково съ *двухъ* и т. д.) будутъ намъ вполнѣ ясны.

20.

Два церковно-славянскихъ памятника, Синайская Псалтырь и Маріинское Евангеліе, имѣютъ случаи употребленія неорганическаго *j*-та передъ начальнымъ *а*, когда конечный звукъ предъидущаго слова *а* или *и*. Син. Пс.: Боже моі, *ѣ*ще (= *j*аще, яще); відѣті, *ѣ*ще (стр. 9, 21 изд. Гейтлера); Мар. Ев.: і *ѣ*бие, і *ѣ*ще, да *ѣ*ще, и *ѣ*ще (стр. 211, 218, 355, 375 изд Ягича). Другіе собственно-церковно-славянскіе памятники не представляютъ достовѣрныхъ случаевъ того же явленія (и *ѣ*зъ = и азъ, не *ю* ли = не у ли, Мар. Ев. стр 162, 52, и т. п. могутъ быть объяснены инымъ способомъ), но древнерусскіе тексты, списанные съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, представляютъ его сравнительно нерѣдко, когда одно слово начинается звуками *а* и *у*, а другое, предъидущее, оканчивается какимъ-нибудь гласнымъ; они показываютъ, что употребленіе неорганическаго *j*-та въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ XI вѣка стало получать уже широкое распространеніе: и *я*ще покаѥться, Архангельское Ев. 1092 г. 67 об.; да *я*ште и трѣбѫемъ, и *я*штѥ оц҃ь ѥсмь азъ, Пандекты Антіоха XI в. 36 об., 82; да *ю*тѣшитель, Слова Григорія Богослова XI в., стр. 278 изд. Будиловича; сама себе Мавро ѭорѫживъши, Путятина Минея XI—XII в. 10 об.; заповѣда *ю*сѣкнюти ѥго, Син. Патерикъ XII в. 137. Болѣе поздніе, XIII—XIV вв., древне-русскіе тексты, за рѣдчайшими исключеніями, не знаютъ этого явленія, несомнѣнно чуждаго живому русскому языку этого времени [1]).

Средне-болгарскіе памятники XII—XIII вв., какъ извѣстно, очень тѣсно связанные съ памятниками собственно-церковно-славянскими, представляютъ рядъ случаевъ употребленія въ началѣ словъ буквы *ю* вмѣсто ожидаемой *у*, если передъ этими словами находится союзъ *и* или слово съ гласнымъ *и*, *е*, *ѣ*, ѧ, *о* на концѣ: тѣло едино естъ и *ю*ды многы иматъ, мнѧщеисѧ *ю*ди тѣлу, въси *ю*ди, Слѣпченскій Ап. XII в. Имп. Публ.

---

[1]) Можемъ отмѣтить только въ сборникѣ собр Погодина № 886, нач. XV в., л 148: во *ю*шью. Онъ не списанъ съ южно-слав оригинала.

Библ. 24, 24 об. (рядомъ: вѣси же *уди*, 24); и *ювѣдѣ*, и *ювѣдатъ*, и *ужаснѫтьсѧ*, и *юсъше*, Паремейникъ Григоровича XII—XIII в., 31, 84 об., 37, 83 об (при. отъ *юстень* 40); и *юноважтъ*, и *ювѣдатъ*, и *юмыхъ*, и *юби*, и *юмножихжсѧ*, и *юделѣшѫ*, и *юслыша*, и *юмалишжсѧ*, и *юзриши*, и *юподобѧсѧ*, и *юбоахсѧ*, бѫдетѣ *юши* твои, Псалтырь Григоровича XIII в. (Рум. Муз. № 1687 , 37, 53 об , 67 об., 73 об., 102, 102 об , 103, 105, 124 об., 133 об., 144 об., 125; яко *юнѣе* (= унѣе) есть вамъ, гѣѧ *юнѣе-сть* (= есть), Ев. Григоровича XIII в. (Рум Муз. № 1692), 24, 31 об. Сверхъ того, болгарскіе памятники XII—XV вв. сравнительно нерѣдко представляютъ случаи употребленія въ началѣ словъ ѧ вмѣсто ожидаемаго ж въ сочетаніяхъ въ родѣ: на ѧглехъ, на ѧгліе, Римскій Патерикъ XIV в. (Чешскій Музей, собр. Шафарика), 201.

Ново-болгарскій языкъ хорошо знаетъ неорганическій *j*-ть передъ гласными въ началѣ словъ, обыкновенно когда предъидущее слово оканчивается также гласнымъ (*Лавровъ*, Обзоръ, стр. 117).

Возможно, что съ употребленіемъ въ живомъ средне-болгарскомъ языкѣ *ю* тамъ, гдѣ часто писалось *у* (срв. еще корени*у*, избрани*у*, се*у*, дв., твое*у*, дв , во*ужщъ* и т. п. въ Слѣпченскомъ Ап. и другихъ однородныхъ текстахъ), находится въ тѣсной связи одно странное явленіе средне-болгарской орѳографіи — употребленіе болѣе или менѣе часто *ю* послѣ согласныхъ вмѣсто *у*, перешедшее изъ средне-болгарскихъ текстовъ въ древне-сербскіе (Мирославово Еванг и др.) и древне-русскіе (Тріодь Моисея Кіевлянина и др.).

То же въ общемъ явленіе, которое произошло въ церк.-славянскомъ языкѣ XI в., имѣло мѣсто также въ великорусскихъ говорахъ, по преимуществу сильно акающихъ. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, крайне незначительны, и мы можемъ лишь удостовѣрить наличность факта. Судя по тому, что въ русскихъ памятникахъ XVI—XVII вв. до сихъ поръ ничего подобнаго не указано, приходится думать, что передъ нами нѣчто позднее по происхожденію.

Лучшій матеріалъ относительно употребленія неорганическаго *j*-та передъ начальными гласными находится въ записяхъ

г. Прядкина, напечатанныхъ въ I томѣ „Воронежскаго Юбилейнаго Сборника“. Онѣ сдѣланы въ с. Сергѣевкѣ, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ. [1]). Это — рядъ пѣсенъ. Неорганическій *j*-тъ является передъ начальными гласными тогда, когда слова съ этими гласными или 1) находятся въ началѣ стиха (полустишія) или предложенія, или 2) слѣдуютъ за словами оканчивающимися на гласный или мягкій согласный. Примѣры:

1) Ты гари, гари, калечка, *Ю* милова на руке,
Ты бали, бали, сердечка, *Ю* милова на груде́...
Я бы крылушки сабе слила. *Ю*ш и слимши...
Намъ дядинка скажа: *ю* насъ денях многа...
Насажу-та я червеннаю калинку. *Ю* мило́ва...
То-та тошна, не нарошна *Ю*мреть с горя хачу...
Куст слязою юлила. *Ю*ш ты, кустик...
Багатай мужик. *Ю* багатава мужика ..

2) на *ю*тру, на *ю*лицы, на *ю*лицы, за *ю*браным сталом, куст слязою *ю*лила, вдоль я *ю*лицы, машина ми́лава *ю*ташшила; развадити *я*гонь, я *я*дна в домя *я*стаюса, ни *я*б чом (и: прию-те́ш, повелит.).

Древнее неударяемое *о*, звучащее въ говорѣ с. Сергѣевки въ началѣ словъ какъ *а*, принимая неорганическій *j*-тъ, при извѣстныхъ условіяхъ (при удареніи на второмъ или третьемъ отъ начала слогѣ) переходитъ въ *и*. Такимъ образомъ получается: На машиня свисток тонак, *И*тяжжа́я мой миленак; Ета дела, яна вышла наканец, *И*бману́л...; пастучу я *и*б ако́шка, плачуть *и*ба мне́, маладец дявчонку *и*бляст*и́*л (=облестилъ), куда ш ты милай *и*тяжжа́иш, мине замуш *и*ддаду́ть, абманул ее́ *и*бма́ньшик, никакой жа *и*тра́душки...

Само собою разумѣется, полной послѣдовательности въ употребленіи неорганическаго *j*-та нѣтъ, и мы находимъ съ одной стороны отсутствіе этого *j*-та: Люблю я красная Удалова малатца, Я вечор сваво милова Аставляла начавать; мая *а*дяла; съ другой — присутствіе безъ наличности необходимыхъ условій: мине замуш *и*ддаду́ть.

---

[1]) О сильно акающемъ говорѣ этой мѣстности см. нашъ „Опытъ русской діалектологіи“, I, стр. 23.

Записи пѣсенъ и т. п. матеріала изъ другихъ мѣстностей великорусской акающей территоріи даютъ гораздо болѣе скудный и слабѣе окрашенный матеріалъ, можетъ быть, потому, что онѣ сдѣланы менѣе внимательно. Г. Дурново въ пѣсняхъ изъ Шацкаго уѣзда, Тамбовской губ., предлагаетъ намъ: (Ахъ,) *ю*шъ ты травушка... Атыми миня *я*тъ лихова мужа...; у *ю*довушки четвира *ю* ней дѣтей, три *ю* ней дѣтей, три *ю* ней были дочи, сама жъ *ю*спакоилася, пра *ю*далыхъ рибятъ, изъ замку *ю*бижалъ; матушка *я*тыми миня *я*тъ лихóва мужа *я*тъ сердитава, фъ школу *я*ддала, и т. п. (*Извѣстія русск. отд. Ак. Наукъ*, 1900 г. № 3). Г. Кудрявцевъ въ отвѣтѣ на программу изъ села Пахотный Уголъ, Тамб. у., даетъ рядомъ: 1) *и*бъ избѣ, *и*бъ рукѣ, *и*бъ горóхи, *и*бъ моёмъ и 2) *а*бъ дóбромъ, *а*бъ грязи. Первая группа имѣетъ удареніе на 3-мъ слогѣ отъ начала; вторая— на 2-мъ. Проф. Будде въ записанныхъ имъ въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ, Рязанской губ., пѣсняхъ сообщаетъ такія данныя: Сѣли-пали *ю* вдовушки, праснись *ю*вдовушка (Данк. у), и *ю* горинки *ю* навой (Скоп. у.; „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“). У него же въ пѣсняхъ изъ разныхъ мѣстъ Касимовскаго уѣзда: *Ю* моей ли *ю* сизой... *Ю* ней перушки... *Ю* варот, *ю* варот; крылушки *ю* ней; он баял, *ю*говаривал; на *ю*личу („Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“); *И*гарóт свой засадила („Къ діалектологіи...“, № 23). Проф. Халанскій въ пѣсняхъ изъ Курской губ. отмѣчаетъ: къ *ю*довушки, люди баютъ — *ю*довушку ругаютъ, ты *ю*довка, галасами *ю*довушку збудили, ты адинъ *ю* насъ, пацалую-*я*байму („Народные говоры Курск. губ.“), и изъ живого говора указываетъ на *и*пять. Отвѣтъ на программу изъ с. Березовца, Кромскаго уѣзда, Орловской губ., сообщаетъ о частомъ употребленіи неорганическаго *j*-та передъ *у*: на *в*улицы и на *ю*лицы, *в*узялъ и *ю*зялъ, *ю*рядникъ, *ю*шолъ, *ю*хадить, *ю*дава, *ю* насъ, на*ю*чить. Однородныя данныя, довольно скудныя и случайныя, мы нашли въ матеріалахъ изъ Тульской и Калужской губ.; повидимому, такія же данныя имѣются въ говорахъ Екатеринославской губ. и Уральской области (срв. нашъ „Опытъ русской діалектологіи“, I, 103; въ послѣдней отмѣчено: *и*гарóтъ, *и*гурéцъ), а также въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, близкихъ къ сильно ака-

ющимъ великорусскимъ (см. „Смоленскій Этнографическій Сборникъ“ В. Н. Добровольскаго).

Позволительно думать, что нѣкоторые великорусскіе окающіе говоры не чужды употребленія неорганическаго *j*-та. Въ пѣсняхъ Вологодской губ. мы отмѣтили: съ-по *ю*тру, *Русск. Филол. Вѣстн.* 1887 г., № 4, стр. 267; въ сѣверно-русскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Лаговскимъ, мы читаемъ: на *ю*мѣ, стр. 38, на *й*окошечко, клятву *й*отдавалъ, стр. 1.

То же можно сказать о говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ; въ одномъ изъ говоровъ Витебской губ. отмѣчено: *и*городъ, *и*гурецъ; въ малорусскомъ говорѣ Покутья неорганическій *j*-тъ указанъ передъ *о* и *у* (нашъ „Опытъ“, *Живъ. Ст.*, стр. 52). Употребленіе *j*-та, какъ можно заключать изъ нашихъ данныхъ, свойственно по преимуществу пѣсенному языку.

О неорганическомъ *j*-тѣ при сходныхъ условіяхъ внутри словъ не будемъ здѣсь говорить. Но припомнимъ ц.-слав Ію*д*а, Ія*к*овъ и т. п., великорусск. кіе́та (= ц.-сл кивотъ), Іе́на, Семіе́нъ и т. п.

21.

Сѣверно-великорусскіе говоры, на мѣстѣ русскаго литературнаго *баня*, имѣютъ байна и байня; послѣднее засвидѣтельствовано памятниками съ начала XVII в.: *Акты Калачева*, II, 386, 1612 г. Появленіе въ этихъ словахъ *j*-та можетъ быть легко объяснено, если мы допустимъ, что передъ нами потомство прилагательныхъ **баньнъ* и **баньнь* (срв. **зимьнъ* и **зимьнь*, **осеньнъ* и **осеньнь* и т. п.), въ формѣ женск. рода **баньна* и **баньня*, и что мягкое *н* передъ послѣдующимъ *н* перешло въ *j*, какъ изъ др.-русск. молодьця (род.), молоцьця (род. п.) получилось соврем. бѣлорусск. **молойца*, отмѣченное и въ Гродненской (*Довнаръ-Запольскій*, стр. 150), и въ Смоленской губерніи (*Добровольскій*, Смоленскій Этногр. Сб., II, 4), какъ изъ др.-польск. о́сса (род. п.) получилось современное польск. о*j*са и т. п., какъ изъ чешск. vratte, zaplatte и т. п. получилось областн. чешск. vra*j*te, zapla*j*te и т. п. (*Listy Filolog.* 1894 г., стр. 85, 92, 97, 98).

Одинъ изъ старыхъ русскихъ памятниковъ, такъ называемое Полоцкое Ев. XIV в. (Имп. Публ. Библ. F. I. 17, л. 41 об.), имѣетъ въ значеніи: бѣгство, на мѣстѣ обычнаго бѣство, единственное въ своемъ родѣ бѣйство. Появленіе здѣсь *j*-та также можетъ быть легко объяснено: *бѣжьство дало бѣсьство; мягкое *с* передъ *с* перешло въ *j*-тъ (срв. польск. опольск. bogajstwo, *Malinowski*, 39).

Но какъ объяснить появленіе *j*-та въ бѣлорусскомъ войстрый (напр., *Романовъ*, Бѣлорусск. сб. I, стр. 91, Могилевск. губ.)?

Однородный *j*-тъ (или иногда, можетъ быть, *i* не составляющее слога) мы встрѣчаемъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ болѣе часто, гдѣ болѣе рѣдко. Онъ отлично извѣстенъ въ лужицкихъ говорахъ: koj̯n конь, staj̯n (изъ staй), mlyj̯nk (изъ mlyńk, мельникъ), žej̯nska (изъ žeńska, *Muka*, 283), его знаютъ словацкіе говоры: maj̯c мать, maj̯ceri матери, hoj̯scina гостина (*Šembera*, Základové dialektologie československ., 78); šej̯s шесть, gnij̯s гнесть, jej̯s ѣсть, nij̯s несть, prej̯s прясть (*Записки товар. им. Шевченка*, ч. XXVIII, библіогр., стр. 41); его знаютъ словинскіе говоры: koj̯n конь, kraj̯l краль (*Arch. für slav. Phil.*, XVII, 319), pomojzi помози (повел.), vojziti возити, pojstela постеля, mojtika мотыка, vojdica водица, pujstiti пустити и т. п. (*Rad*, CXV, 85, 91); онъ не чуждъ сербскимъ говорамъ: дубровницк. laj̯nски = ланьскии (прошлогодній), maj̯нка=манька (*Rad*, LXV, 160) [1]).

Мы полагаемъ, что *j*-тъ данныхъ случаевъ получился также изъ мягкаго согласнаго при послѣдующемъ согласномъ, т.-е. что vojстрый восходитъ ближайшимъ образомъ къ **восьстрый*, koj̯nia къ *коньня и т. п.

Иначе говоря, мы считаемъ необходимымъ связать появленіе *j*-та съ появленіемъ удвоенія согласныхъ.

Современный русскій литературный языкъ имѣетъ прочій на мѣстѣ др.-русск. прочии, засвидѣтельствованнаго рядомъ памятниковъ (въ бѣлорусскомъ нарѣчіи протчій и прочій; *Ро-*

---

[1]) Срв. въ старыхъ польскихъ текстахъ: wstaj̯n встань (повел.), naj̯n нань, jelej̯n, dzej̯n день и т. п.

мановъ, Бѣлорусскій сборникъ, IV, 82 и др.). Въ XVIII в. въ Москвѣ говорили и писали *притчина* на мѣстѣ современнаго причина. Въ русскомъ переводѣ книжки Старовольскаго о Цареградѣ въ спискѣ конца XVII в. (Имп. Публ. Библ. Q. XVII, 21, л. 537), читается: въ *петчати*; въ переводномъ сказаніи о сивиллахъ въ спискѣ того же времени: о *проротчицахъ* (Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 2, л. 260). Въ грамотѣ 1616 г.: *уберетчися* (*А. А. Э.* II, 311). Въ Пѣсенникѣ второй половины XVIII вѣка (Имп. Публ. Библ. O. XIV. 11, № 138): *петчи* (неопр. н.). Въ одной изъ записанныхъ Рич. Джемсомъ пѣсенъ мы находимъ: *постритчися* (неопр. н.). Грамота 1609 г. имѣетъ *измотчи* (неопр. н.; *Дювернуа*, Мат.). Современный пріалтайскій говоръ: *смотчись* собраться съ силами (*Томск. Губ. Вѣд.* 1862 г., № 16). Г. Чернышевъ въ говорѣ гор. Мещовска отмѣтилъ произношеніе *птитца*, *улитца*, *горчитца*, *водитца* и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ *тч* и *тц* получилось изъ *чч*, *цц* [1]).

Въ одномъ изъ польскихъ говоровъ отмѣчено произношеніе do lassu, вмѣсто: do lasu (*Zbiór wiad.*, XVI, 6). Въ одномъ изъ чешскихъ: masso, kašša и т. п. (*Osvěta*, 1884 г., № 1, стр. 55, ст. Бартоша). Въ латинскомъ языкѣ указываютъ на a*ll*ium, i*ll*ico и т. п. изъ alium, ilico (*Brugmann*, Grundriss, I², стр. 801; *Грушка*, Изслѣдованія изъ области лат. словообразованія, стр. 245).

Это удвоеніе согласныхъ во многихъ случаяхъ связано съ удареніемъ.

22.

Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ очень рано совершился переходъ *к* передъ *т* въ *х*. Правда, древніе русскіе тексты знаютъ лишь *хто*; дехтярный мы встрѣтили уже въ грамотѣ 1542 г. (*Акты Ѳед.-Чеховскаго*, I, 88); лохтя, род., мы нашли

---

[1]) Фамилии Соллогубъ (вмѣсто Салогубъ), Лалло (вм. Лапа), Пассекъ (пол. Pasek) и т. п. имѣютъ удвоеніе согласныхъ искусственнаго происхожденія).

лишь въ Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 года. Но современный языкъ постоянно имѣетъ *хто*, *хъ* (=къ) тому и т. п., дохтя (при дёготь), кохти, нохти (при коготь, ноготь), лохти (при локоть), клохтать (при клокотать), кряхтѣть (при крякать), уварахтаться (при варакса), налохтиться (нажраться, при локать), и т. п. [1]).

Мы ожидали бы найти въ русскомъ языкѣ однородный переходъ *п* передъ *т* въ *ф* [въ *п*тица [2]), топтать, роптать, лопта и т. п.], подобно тому какъ въ ново-греческомъ языкѣ, рядомъ съ χ изъ κ, развилось φ изъ π передъ τ (κλέφτης = др.-греч. κλέπτης и т. п.), но его не находимъ ни въ одномъ говорѣ. Впрочемъ есть одно исключеніе.

Въ одной русской рукописи XVIII вѣка находится перечисленіе птицъ и рыбъ и между первыми упомянуть *курохтанъ* (Публ. Библ. F. XVII. 9, л. 855). Это слово въ видѣ *курохтанъ*, *куруфтанъ*, *туруфтанъ* (Даль) живетъ и теперь въ русскихъ говорахъ, рядомъ съ *курóхта* куропатка. Вторая часть этихъ сложныхъ словъ восходитъ, безъ сомнѣнія, къ *п*танъ, *п*та (=др.-русск. *пъта, въ Александріи и др.). Такъ какъ *х* изъ *ф* въ русскихъ говорахъ обычное явленіе, то мы имѣемъ право говорить о переходѣ здѣсь *п* въ *ф*.

Происхожденіе *ф* въ кафтырь (при *п* въ старыхъ русскихъ каптуръ, каптора, каптана) для насъ не ясно, въ виду *ф* въ кафтанъ (срв. чешск. ka*f*tan). Возможно, что мы получили это слово уже съ *ф*.

Происхожденіе *ф* въ скифетръ (очень часто въ московскихъ текстахъ XVI и XVII вв.), несомнѣнно, не русское.

---

[1]) Въ пахтать, нарохтиться, торохтиться происхожденіе *х* для насъ не ясно; въ бохтаться, борохтаться *х* — древнее (срв. борохло, борошень и т. п.). Любопытно, что тотъ же переходъ *к* въ *х* имѣетъ мѣсто и въ словахъ болѣе или менѣе недавно вошедшихъ въ русскій языкъ; мы слышимъ: дохторъ, дилехторъ и т. п.

[2]) Срв. словинск. *f*tica, *f*tič, чешск. *f*tak (*Miklosich*, Vgl Gr., I², 507).

23.

Русскій языкъ имѣетъ небольшое количество случаевъ диссимиляціи плавныхъ согласныхъ, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ. Въ нашихъ старыхъ памятникахъ читается:

февраль, Лаврентьевскій сп. лѣт. и др.;

стихираль, Стихирарь XV в. Троицкой Лавры № 409;

Плинархъ, Прологъ 1356 г.;

Порфилей, грамота 1500 г., *А. А. Э.*, I, 247;

Селигеръ, грамота 1500 г., ibidem, I, 102;

деревня Латмирова, грамота 1546 г., *Акты Федотова-Чеховскаго*, I, 111;

верблюдъ, Помянникъ Кіево-Печерской Лавры XVI в., и др.

Современные великорусскіе говоры, сверхъ этихъ словъ, имѣютъ: прóлубь, флúгеръ, флю́геръ (= шведск. flügel), колидóръ, лезéрвъ, левольвéръ, лепортýю, лесóра, плепóрція, секретáрь, сталовéръ и др. [1]).

Въ малорусскихъ говорахъ мы находимъ: лейстрóвий, лебрó, лимáрь, паламáръ и др.

Всмотрѣвшись въ эти данныя, мы можемъ вывести для диссимиляціи плавныхъ согласныхъ слѣдующій законъ: *плавный, находящійся передъ ударяемымъ гласнымъ, сильнѣе другаго плавнаго, гдѣ бы послѣдній ни находился* (въ другомъ слогѣ или непосредственно послѣ ударяемаго гласнаго), *а плавный, находящійся непосредственно послѣ ударяемаго гласнаго, — сильнѣе другаго плавнаго, находящагося въ другомъ слогѣ.*

Исключеній очень немного, и они почти всѣ получаютъ удовлетворительное объясненіе: улáрь, Кормчая ок. 1282 г., но рядомъ: уларя́ и т. д.; лéкрутъ, но рядомъ: лекрýтство, лекрýтскій и т. п.; фалéтуръ, но рядомъ: фалетура́ (мн.), и т. п.

Слово *фатера* = квартира, въ которомъ должна была совершиться диссимиляція плавныхъ согласныхъ, получено нами

---

[1]) Сѣв.-великорусск. *ёбро́* — изъ лёбро́.

уже съ однимъ *р* изъ польскаго языка (здѣсь: kwatera, изъ kwałtera, kwaltera).

Законъ диссимиляціи плавныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ въ общемъ тожественъ съ закономъ той же диссимиляціи въ романскихъ языкахъ [1]).

24.

Мы имѣемъ довольно распространенную фамилію *Горянинов*ъ (нѣкоторые произносятъ и пишутъ *Горяйнов*ъ). Рядомъ съ нею существуетъ болѣе рѣдкая фамилія *Козлянинов*ъ.

Эта послѣдняя скорѣе поддается объясненію, чѣмъ первая.

Въ старыхъ московскихъ документахъ *козлянинъ, козляне* — обычное обозначеніе уроженца или уроженцевъ Козельска или близкихъ къ нему мѣстъ. Такимъ образомъ *козлянинъ* есть не что иное, какъ козлянинъ, съ диссимиляціей двухъ *н*, съ замѣной перваго изъ нихъ, мягкаго, черезъ *j*.

По аналогіи съ *козлянинъ* уже не трудно объяснить и *горянинъ*. Это слово произошло изъ горянинъ = житель горъ или горы. Какъ извѣстно, *Горами* называется высокій берегъ средней Волги. Вѣроятно, помѣщики изъ этого края носили прозвище *горяне*. Отсюда произошла фамилія *Горянинов*ъ.

Другого рода диссимиляцію двухъ *н* мы находимъ въ южновеликорусскихъ пѣсенномъ ясмѣнъ соколъ и обычномъ тусмѣнный взглядъ = тусклый, тусмѣть = тускнѣть. Особенно часто отмѣчается въ этихъ словахъ *м* въ донскомъ говорѣ (въ сборникахъ донскихъ пѣсенъ Савельева и Пивоварова), но мы имѣемъ его и среди данныхъ изъ другихъ сильно-акающихъ говоровъ (Курской губерніи: *Халанскій*, Нар. говоры, стр. 178, 208; Рязанской губ.: *Жив. Стар.* 1894 г., II, стр. 290, 293). И здѣсь болѣе слабымъ изъ двухъ *н* оказался первый, мягкій. Само собой разумѣется и въ ясмѣнъ, и въ тусменный мы имѣемъ дѣло съ новообразованіями: ясмѣнъ восходитъ къ яснень, а это послѣднее получилось изъ ясѣнъ, подъ вліяніемъ ясный.

---

[1]) *Grammont*, La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes. Dijon, 1895.

25.

Русскій языкъ (точнѣе: великорусское его нарѣчіе?) имѣетъ два слова съ страннымъ окончаніемъ: *лѣньтяй*, *слюньтяй*. Къ нимъ можно присоединить еще старое русск. *гольтяй* (зап.-русск. Четья 1489 г., л. 58 об.), давшее великорусскую фамилію *Голтяевъ* или *Гольтяевъ*, извѣстную съ XV в. (*Тупиковъ*, Словарь, 519). Малорусское нарѣчіе знаетъ только *гультай* и *гільтай* (изъ **гольтай*); малор. *гультай* перешло въ польскій языкъ: hul*taj*.

Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы не знаемъ ничего похожаго на эти русскія слова. Миклошичъ (Vgl. Gr. II, 83) также не знаетъ однородныхъ образованій. По его словамъ, это — „новообразованія“.

Дѣйствительно, мягкость *т* имѣетъ признаки позднѣйшаго происхожденія.

Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ (особенно въ великорусскомъ нарѣчіи?) нерѣдки случаи вліянія предыдущаго мягкаго согласнаго на послѣдующій твердый. Къ числу ихъ принадлежатъ сѣв.-великор. *шьтё* изъ *што* = чьто (съ мягкимъ *ш*), *сильнё*, *сильнёй* [1]), *больнё* изъ *сильно*, *сильной*, *больно*.

Къ числу этихъ случаевъ мы относимъ и приведенныя выше слова.

Суффиксъ ихъ — обычный: *-тай*, тотъ самый, который мы имѣемъ въ древнемъ или новомъ видѣ въ ход*атай*, глаш*атай*, провож*атый*. Этотъ суффиксъ обыкновенно является при глагольныхъ основахъ на *а*. Но родственные языки указываютъ на употребленіе родственнаго суффикса tar при основахъ на ї: др.-инд. jan*i*-tar-, лат. gen*i*-tor и т. п.

Слѣдовательно, русск. *лѣньтяй* и т. п. можетъ восходить къ древнѣйшему *лѣнь-тай* и т. п.

---

[1]) Ко *сильному* царьству московскому (въ пѣсняхъ Ричарда Джемса).

26.

Общепринятое названіе губерніи — уфи́*м*ская (при названіи города Уфа́). Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе странное *м*, вмѣсто обычнаго *н*.

Описи XVII в. [патріаршей ризницы 1631 г. [1]), домовой казны патр. Никона [2]) и т. п.] имѣютъ часто и постоянно названіе жемчуга — кафи*м*ской (при названіи города Кафа́).

Сверхъ того, мы имѣемъ прилагательское бры*м*скій (при названіи рѣки Брынь), рядомъ съ бры*н*скій [3]).

Не лишнее обратить вниманіе также на великорусское имя Офроси*м*ъ [4]), откуда фамилія Афроси*м*овъ (при Евфроси*н*ъ), и на малорусское имя Хоти*м*ья [5]) (при Фоти*н*ія, великор. Фети́*н*ья).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обращаетъ на себя вниманіе присутствіе въ словѣ губного согласнаго — *ф*, *б*.

Повидимому, мы имѣемъ дѣло со своеобразной ассимиляціей — съ ассимиляціей отдѣленныхъ другъ отъ друга губного и *н*, закончившейся переходомъ *н* въ *м*.

Срв ассимиляцію *н* и губного *в* въ да*м*но, ра*м*но, сла*м*ный (курск. „Очерки Россіи“ Пассека, IV, стр. 13), го*м*но, *м*нукъ [6]), обычную, кажется, во всѣхъ великорусскихъ говорахъ и извѣстную также въ разныхъ славянскихъ языкахъ (наприм. въ кайкавскомъ: *м*нук) [7]) Срв. еще старое Пути*м*ль (вмѣсто Пути*в*ль), обычное въ московскихъ текстахъ XVII в., гдѣ впрочемъ *м* можетъ имѣть другое объясненіе.

---

[1]) Издана Викторовымъ.

[2]) Издана въ XV т. „Временника“ М. Общ. ист. и древн.

[3]) *Колосовъ*, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русск языка, стр. 168

[4]) Прологъ 1481 г. Имп. Публ. Библ. (написанный въ Коломнѣ), подъ 23 февраля.

[5]) Приписка XIV в. въ Галицкомъ Ев 1144 г.

[6]) *Колосовъ*, стр. 169.

[7]) „Стефана Вербеција Трипартитум“, въ переводѣ 1574 г. Изд. Сербск. Ак. Н. 1909.

27.

Въ „Словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія“ Носовича, заключающемъ въ себѣ словарный матеріалъ говоровъ Могилевской губерніи, находятся, между прочимъ, числительныя дванамцать и тринамцать, съ носовымъ согласнымъ вмѣсто зубного. Тѣ же слова намъ встрѣтились въ первыхъ выпускахъ „Бѣлорусскаго Сборника“ Е. Р. Романова, заключающихъ въ себѣ тексты также изъ Могилевской губерніи, и въ разныхъ мѣстахъ „Матеріаловъ“ Шейна. Итакъ, передъ нами диссимиляція предшествующаго *т* съ послѣдующимъ *ц* и переходъ перваго звука въ *н*.

Это странное явленіе не одиноко. Оно извѣстно намъ изъ болгарскаго языка, также въ области числительныхъ: средне-болг. пандесѧть (въ сборникѣ Гильфердинга XIV—XV в. № 34), пандесѧтница (въ русскомъ Тактиконѣ 1397 г., списанномъ съ средне-болг. оригинала); современное болг. пендесет, девендесет. Обыкновенно думаютъ, что согласный *н* — потомокъ древняго ринезма [1]), но какъ показываютъ отчасти средне-болгарскія данныя, — безъ основанія.

Замѣчательно, что однородныя явленія отмѣчены въ средне-греческомъ языкѣ. Нѣсколько словъ имѣютъ μβ изъ ββ, нѣсколько — μφ изъ πφ; повидимому, есть также слова съ νδ изъ δδ [2]). Отсюда въ древнихъ памятникахъ церк.-слав. языка сѫбота, Самфира (собственное имя), самфиръ (названіе камня).

Интересно находящееся въ записи ср.-болг. Стаматовскаго Ев. Манѳей Ματθαῖος. Мы не знаемъ, съ явленіемъ какого языка здѣсь имѣемъ дѣло — средне-греческаго или ново-болгарскаго.

---

[1]) *Лавровъ*, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, стр 15; срв. въ нашей рецензіи на это сочиненіе (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894 г., № 6, стр. 430.

[2]) K. Z. XXXIII, статья „Sambaz“, Шульце.

28.

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ довольно много случаевъ употребленія дифтонга *дж* на мѣстѣ ожидаемаго *ж*. Большая часть этихъ случаевъ удачно объясняется вліяніемъ на формы съ *ж* близко родственныхъ съ *д*: ви*дж*у, са*дж*у — изъ ви*ж*у, са*ж*у, подъ вліяніемъ ви*д*ѣти, са*д*ити. Но въ малорусскихъ говорахъ есть еще нѣсколько случаевъ употребленія того же дифтонга. Одни изъ нихъ — въ словахъ заимствованныхъ изъ татарскаго и румынскаго языковъ; эти слова вошли въ малорусскіе говоры, можетъ быть, уже съ готовымъ звукомъ *дж*. Другіе — въ словахъ чисто-русскихъ и заимствованныхъ изъ польскаго языка: *дж*ерело́, *дж*уръ = польск. żur = нѣм. sauer, они для насъ столько же неясны, сколько и случаи *дж* въ такихъ ново-болгарскихъ словахъ, какъ мъ*дж*ь = мѫжъ. Третьи — въ словахъ *дж*банъ (рядомъ *ж*банъ, великорусск. *ж*банъ) и б*дж*ола (рядомъ п*щ*ола, п*ч*ола). На этихъ послѣднихъ мы остановимся.

Звукъ *дж* въ *дж*банъ не принадлежитъ одному малорусскому нарѣчію: польск. *dżban*, чешск. *džban*. Сравни чешск. *džber* (*Bartoš*, Dialektologie Moravská, II, 430). Этотъ звукъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ образовался изъ *č*, и древнѣйшая форма приведенныхъ словъ — *чьбанъ*, *чьбьръ* (срв. лит. kibiras, греч. κιβ-ωτός) — сохранена нѣкоторыми древними памятниками [1]).

Звукъ *дж* въ б*дж*ола вмѣстѣ съ самимъ этимъ словомъ принадлежитъ одному малорусскому нарѣчію; срв. великорусское п*ч*ела и т. п. Онъ образовался также изъ *ч*, какъ показываетъ древнѣйшая форма приведеннаго слова *бъчела* (она также сохранена намъ памятниками).

Образованіе *дж* изъ *ч* передъ *б* есть нѣчто и естественное, и существующее въ разныхъ языкахъ. Сербскій языкъ, между прочимъ, имѣетъ рядъ словъ въ родѣ ота*дж*бина (= отьчьбина), свело*дж*ба (= свѣдочьба) [2]).

---

[1]) Сербск. Мирославово Ев: чьбанъ. Странно *в* въ чьванъ.

[2]) Малорусск. *дж*міль шмель, при великор *ш*мель, чмель, изъ *щьм-*.

По рядомъ съ образованіемъ *дж* изъ *ч* передъ *б* мы находимъ въ русскихъ говорахъ также образованіе *з* (изъ *дз*) и *ц*: *з*банъ, Пересопницкое Ев. 1561 г., Ев. Тяпинскаго конца XVI вѣка; *ц*ебровъ, род. мн., Ипатскій сп. лѣт., стр. 613 (им. ед. *ц*беръ = чьбьръ). Однако срв. старо-польск. *dz*ban и w cebrze, соврем. польск. cebrzyk посудина для корма коровъ.

29.

Славянскіе языки знаютъ стяженіе гласныхъ въ значительномъ количествѣ случаевъ, особенно языкъ чешскій: bálse = боялся, stál = стоялъ, pás = поясъ, pokání = покаяніе, vévoda = воевода, и т. п. Русскій языкъ также знаетъ стяженіе гласныхъ, но главнымъ образомъ въ ограниченномъ кругѣ мѣстоименныхъ формъ.

Общеизвѣстны принадлежащія разнымъ говорамъ русскаго языка формы мого́ (или мово́), мому́ и т. п., изъ *моего*, *моему* и часто рядомъ съ *моего́*, *моево́*, *моему́* и т. п.

Менѣе извѣстны находящіяся въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ и въ значительной части бѣлорусскихъ формы род., дат., тв. и мѣстн. ед. ч. женск. р. тэ́й, однэ́й, изъ *тоей*, *одноей* [1]). Эти формы совсѣмъ или почти совсѣмъ не оказали вліянія на формы тѣхъ же падежей прилагательныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ, но за то это вліяніе имѣло мѣсто въ говорахъ бѣлорусскихъ, и мы объясняемъ бѣлорусск. добрэ́й, худэ́й, большэ́й и т. п. какъ образованія по образцу тэ́й, однэ́й, самэй.

Столь же мало извѣстны малорусскія формы им.-вин. ед. средн. р. *те*, *худе́*, *до́бре*, *хорошо́* и т. п. (они же и нарѣчія). Они находятся также въ тѣхъ бѣлорусскихъ говорахъ, которые служатъ переходомъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ великорусскому. Мы прежде объясняли эти формы какъ полонизмы, но теперь мы вынуждены смотрѣть на нихъ иначе, въ виду но-

---

[1]) Объ этихъ послѣднихъ формахъ см. въ нашихъ „Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“, стр. 73. Факты въ нашемъ „Опытѣ русской діалектологіи“.

выхъ данныхъ по славянскому ударенію. Мы уже давно обратили вниманіе на великорусскія формы ср. р. тоё, коё, муж. р. Благово́, Дурново́; теперь мы останавливаемся на сербскихъ чакавскихъ формахъ прилагательныхъ муж. р. род. и дат. пад. ед. съ удареніемъ на конечномъ слогѣ. Они находятся въ большомъ числѣ въ автографахъ Крижанича: простого́, драгого́, прегустого́, ясного́, чистого́ и т. п. [1]). Ихъ сохраняютъ современные говоры: жутега́, жутему́ и т. п. (данныя въ трудахъ *Строгала* и *Микуличича*) [2]). Приведенныя данныя позволяютъ думать, что ударе́ніе въ членныхъ формахъ многихъ прилагательныхъ и мѣстоименій нѣкогда находилось на конечномъ слогѣ: им.-вин. ср. р. тое́, простое́, дорогое́, род. муж.-ср. р. простого́, дорогого́, дат. муж.-ср. р. простому́, дорогому́, род. женск. р. простыѣ́, дорогыѣ́, простоѣ́, дорогоѣ́, твор. женск. р. тою́, простою́, дорогою́, вин. мн. муж. р. тыѣ́, простыѣ́, дорогыѣ́ и т. д. Въ виду этого малорусскія те, худе́, хороше́ могутъ быть объяснены непосредственно изъ тое́, худое́, хорошее́ чрезъ стяженіе гласныхъ, а до́бре — какъ образовавшееся по аналогіи съ худе́. Что до формъ им.-вин. ср. р. те́е, худе́е и т. п., то это уже несомнѣнныя новообразованія изъ те, худе́, подъ вліяніемъ доброе и т. п.

Еще менѣе извѣстны малорусскія (главнымъ образомъ сѣверно-малорусскія, отчасти южно-бѣлорусскія) формы род. пад. ед. женск. р. мее, меі и моі, твее, твеі и твоі и т. д. (съ удареніемъ то на первомъ, то на второмъ гласномъ). Здѣсь е и о образовались изъ ое, т.-е. мее, моі восходятъ къ древнему моеѭ. Сходнаго происхожденія рѣдкія сѣверно малорусскія формы твор. ед. мею.

Также очень мало извѣстны сѣверно-малорусскія (волынскія, пинскія, гродненскія) формы им.-вин. мн. чорне волосы, молоде = молодые. Здѣсь передъ нами случаи стяженія ъи́, однородные съ тѣми, которые такъ распространены въ западнославянскихъ языкахъ.

---

[1]) *Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1895 г. № 3, стр. 102—103 (статья *А. А. Шахматова*).

[2]) Срв. болгарскія слова женск. р. на *ть* съ удареніемъ на членѣ: радост*а́* и т. п.

Что до бѣлорусскихъ формъ им.-вин. мн. на *э́* существительныхъ и *ээ* прилагательныхъ: столэ, домэ, быке, домовэ́е = домовые, большэе, то при объясненіи ихъ необходимо принимать во вниманіе то обстоятельство, что на мѣстѣ *э* въ столэ въ южно-бѣлорусскихъ говорахъ, имѣющихъ на мѣстѣ древняго *ѣ* дифтонгъ *іе*, мы находимъ дифтонгъ: столье́ и т. п., и связывать эти формы съ древне-русскими формами вин. мн. на *ѣ*: ключѣ и т. п.

30.

Великорусскіе говоры имѣютъ двѣ частицы *ко* и *ка*, совпадающія въ звукахъ въ акающихъ говорахъ и различающіяся въ окающихъ. Первая употребляется главнымъ образомъ при глагольныхъ формахъ (наше дай-*ка* и т. п.); вторая, кажется,— при именныхъ образованіяхъ и нарѣчіяхъ (олонецк. здѣсь-*ка*, здѣ-*ка*-ва, *Рыбниковъ*, IV, 296; пермск. гдѣ-*ка*, *Колосовъ*, Замѣтки, 323; срв. гродн.-заблуд. ниня-*ка*, *Этногр. Сб.*, III, 85, болг. ту-*ка* и т. п. [1]). Первую слѣдуетъ сопоставлять, повидимому, съ греч.-гомер. κε(ν), также связанною съ глагольными формами; вторую — съ греч -τε, -κα, лат. -que, слав. -*че*, -*ча* (= **же*, **же̄*), связанными по преимуществу съ нарѣчіями.

Кромѣ названныхъ частицъ, въ великорусскихъ говорахъ то болѣе, то менѣе распространена еще частица -*тко*: ты бери-*тко*, *Колосовъ*, Замѣтки, 163; знаю-вѣдаю теперя-*тко*, лебедушка, *Славянская*, ч. II, стр. 22, употребляющаяся и при глагольныхъ формахъ (какъ *ко*), и при нарѣчіяхъ (какъ *ка*; подмосковн. ужо-*тка*, туто-*тка*); въ литературномъ языкѣ можно указать только грибоѣдовское: вы, нынѣшніе, ну-*тка*; изъ старыхъ текстовъ можно привести лишь изъ сочиненій протопопа Аввакума: посмотри-*тко* (*Матеріалы для исторіи раскола*, V, 300; VIII, 33).

Оставляя въ сторонѣ *ко* (или также *ка*?) въ этой послѣдней частицѣ, взглянемъ на первый ея составной элементъ *т*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при нарѣчіяхъ) это *т* всего скорѣе можетъ быть объяснено изъ сокращенной формы мѣсто-

[1]) Польск. краковск. ktosi*k*, jakisi*k*, tamo*k*, dzisia*k* и т. п., вѣроятно, имѣетъ *к* изъ *ка*.

имѣнія 2 л. *ти* (др.-русск. *ть*); срв. великор. тутo-*ти*, нѣту-*ти*; но въ большей части случаевъ видѣть въ *т* потомство древняго dativus ethicus не представляется возможности: *тко* изъ глагольныхъ формъ употребляется исключительно при формахъ 2 л. повелит. накл., обыкновенно ед. ч., изрѣдка множ. ч.: не сиди-*тка*, Дунюшка; ты сходи-*тка*, поди, дѣвушка; погляди-*тка*, моя радость; ты суди-*тка* мою просьбу („Великор. нар пѣсни", V, 133, 196, 286, 466) и т. п., гдѣ постановка формы 2 же лица въ значеніи dat. eth. не имѣетъ смысла.

Въ виду этого мы позволяемъ себѣ предложить другое объясненіе.

Одна изъ особенностей великорусскаго синтаксиса — употребленіе мѣстоименія при формахъ повелительнаго наклоненія, какъ передъ этими формами, такъ и послѣ нихъ: *ты* лети, лети, соколъ; *ты* прости-прощай, милъ сердечный другъ; *вы* подите, приведите; не сиди-ка *ты*, Дуня; не дуй-ка *ты*, Дуня („Великор. нар. пѣсни", V, 134), скажи *ты* мнѣ вотъ что; скажи-ка *ты* мнѣ вотъ что; скажите *вы* мнѣ вотъ что, и т. п. При постановкѣ мѣстоименія *ты* между формою повел. накл. и частицею *ко* (срв. въ Остромировомъ Ев.: тако молите *вы* ся 123), вслѣдствіе отсутствія на немъ какого бы то ни было ударенія, главный элементъ мѣстоименія отпалъ и *ты-ко* превратилось въ *тко*. Такимъ образомъ изъ: скажи́ *ты ко* мнѣ, получилось: скажи́ *тко* мнѣ.

31.

Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи XIV в имѣетъ собственныя имена Олькса, Олъксандръ и т. п. съ ъ. Онъ не стоитъ одиноко. Всѣ вообще древнѣйшіе наши памятники употребляютъ въ этихъ именахъ ъ довольно послѣдовательно. Святославовъ Сборникъ 1073 г. имѣетъ: Алькьсандра 162 об., Олъксандръ Македонъ 258, алъксандрѣне 249; Стихирарь 1157 года: Алъксы (род.), Алъксиѥ (зв.) 130; Стихирарь XII в. Академіи Наукъ: святаго Алъкса 127, алъксандрьскааго 56 об.; Лѣствица XII в. Румянц. Муз. № 199: Алъксандрова града 17; Уставъ церковный XII в. Синод. Библ. № 330: Алъксия 93,

209 об., 210, 244 об. (постоянно); Тріодь XII в. Синод. Библ. № 319: Аљксаньдру 47. Интересно въ записи Словъ Исаака Сирина 1416 г. Имп. Публ. Библ.: князя Аксандра Ивановіча (срв. Псковъ изъ Плъсковъ и т. п.).

32.

Малорусскіе говоры Галиціи имѣютъ *ж* въ *ж*осподаръ = господарь, вмѣсто ожидаемаго *г*.

Чешскій языкъ владѣетъ нѣсколькими словами съ неожиданнымъ *k*: *k*itara гитара, *k*oňalka горѣлка, водка, o*k*urka, vo*k*ůrka, o*k*urek огурецъ и т. п.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ обычнымъ въ языкахъ и говорахъ, не имѣющихъ звука *g* и знающихъ только звукъ *h*.

Заимствуя изъ другихъ языковъ слова съ звукомъ *g*, они замѣняютъ это *g* черезъ свое *k*.

Малорусск. *ж*осподаръ есть, конечно, не что иное какъ польск. *g*ospodarz.

Чешск. *k*oňalka — не что иное, какъ польск. *g*orzałka.

Чешск. o*k*urka — не что иное, какъ польск. o*g*urek.

Принимая во вниманіе это явленіе, мы иногда можемъ прослѣдить пути заимствованія.

Такъ, сѣв.-русск. *ж*абатъ рубаха надѣваемая поверхъ кафтана или полушубка (*Пам. книжка Архан. губ. на 1864 г.*, стр. 47) надо связывать не прямо съ др.-в.-нѣмецкимъ прототипомъ *g*awati, а съ чешскимъ *k*abát.

Ново-нѣм. *g*urke надо связывать съ польск. o*g*urek, а не съ чешск. o*k*urka; но ново-нѣм. діалектич. wo*k*urke, очевидно, восходитъ къ чешск. vo*k*ůrka.

33.

Мы пишемъ названіе рѣки *Нѣманъ* съ *ѣ* и *а*. Бѣлорусы, живущіе близь нея, называютъ ее Нёманъ, род. над. Немна, малорусы—Нёмон, род. Нёмна, поляки—Niemen, род. Niemna. Эти данныя вполнѣ соотвѣтствуютъ старымъ даннымъ: литов-

скія лѣтописи имѣютъ *Немонъ*, *Немна* (*Полн. собр. р. лѣтоп.*, XVII, 229, 569). Литовское названіе рѣки Nemunas вполнѣ соотвѣтствуетъ славянскому **Немѣнъ*.

34.

Лингвисты ломаютъ головы надъ *д* въ обще-слав. господь (ожидали бы *т*). Приходится ломать голову и надъ *б* въ русск. **батА* съ производными.

Связь его съ санскр. pitā, греч. πατήρ, лат. pater и т. д. несомнѣнна. Но почему въ русскомъ словѣ *б*, а не *п*, и почему въ немъ *а*, а не *о* (= ă)?

Мы рѣшаемся сдѣлать предположеніе.

Оба указанныя нами слова — заимствованы славянами у ихъ древнихъ сосѣдей (потомъ отчасти ославянившихся и вошедшихъ въ составъ славянскаго племени) — скиѳо-сарматовъ.

Одно или нѣсколько нарѣчій обширнаго по своей территоріи скиѳо-сарматскаго языка, въ извѣстную эпоху и въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣло замѣну глухихъ согласныхъ звонкими. Вслѣдствіе этого нѣсколько скиѳо-сарматскихъ словъ перешло въ обще-славянскій языкъ (или въ отдѣльные славянскіе языки) съ неожиданными для лингвистовъ звонкими согласными [1]).

Прежде ломали головы надъ *з* въ сто (при литовск. šimtas). Теперь, кажется, всѣ признали, что это числительное заимствовано славянами у сосѣдей, говорившихъ языкомъ иранской семьи.

---

[1]) Сверхъ того, въ скиѳо-сарматскихъ говорахъ древнѣйшее *р* могло перейти въ *f* или близкій къ *f* звукъ, который славянами былъ переданъ черезъ *б*. Срв. названіе кочевниковъ не-тюрковъ, жившихъ въ до-монгольскій періодъ въ южно-русской степи подъ властію русскихъ князей, — *б*ереньдѣи, *б*ереньдичи (изъ **бѣрн-*, съ полногласіемъ) и др.-перс. имена Τισσα-φέρνης, Φαρν-άσπης и т. п.

Мелкія замѣтки по морфологіи.

1.

Паисіевскій сборникъ XIV—XV в., не знающій графическаго употребленія *о* вм. *ъ* и наоборотъ, имѣетъ Александро царь 153.

Въ документѣ 1511 г. мы читаемъ: архимандритъ Никандро (*Акты Ѳеодотова-Чеховскаго*, I, 67).

Очевидно, въ этихъ формахъ передъ нами тѣ же формы, что и въ современныхъ великорусск. Алексáндро, Никáндро, Пётро (въ акающихъ говорахъ съ *а* вм. конечнаго *о*), малорусск. Петро, Дніпро.

Стеченіе согласныхъ въ этихъ собственныхъ именахъ привело не къ вставкѣ глухого (*ъ* или *ь*), какъ въ Павълъ и т. п., а сначала къ сохраненію глухого (когда всѣ вообще конечные глухіе исчезли изъ произношенія), а потомъ, на общемъ основаніи, къ переходу глухого въ *о*.

Собственное имя *Маркъ* издревле является въ нашихъ текстахъ въ видѣ Марко: Рязанск. Кормчая 1284 г. 265 об., Чудовск. Кормчая к. XIV в. № 4, л. 302, Амартолъ XIV в. 5 об, Сборникъ Чудова монастыря XIV в. № 23, л. 154 и др.

То же въ текстахъ южно-славянскихъ, какъ средне-болг. Хронографъ Манассіи XIV в., 67 об., 68 об.

Современные русскій, болгарскій и сербскій языки имѣютъ также Марко.

Несомнѣнно, на появленіе здѣсь *ко* вм. *къ* повліяло существованіе многочисленныхъ уменьшительныхъ на *ко*, между прочимъ, и собственныхъ именъ.

Великорусскіе акающіе говоры иногда склоняютъ всѣ приведенныя имена по склоненію словъ женск. р. на *а*.

2.

Имена женск. р. на *а* имѣютъ въ русскомъ языкѣ формы им.-вин. мн. ч. съ одними и тѣми же звуками, но съ двоякимъ удареніемъ: 1) *жо́ны* и 2) *жены́*, и т. п. Нѣкогда формы съ удареніемъ на концѣ были вполнѣ обычны, ихъ въ большомъ числѣ мы находимъ во всѣхъ старыхъ русскихъ текстахъ XIV—XVII вв., гдѣ разставленныя ударенія принадлежатъ по преимуществу русскому языку; они по традиціи сохраняются въ церковныхъ книгахъ нашего времени; ихъ еще немало у писателей XVIII в. и начала XIX в. [1]). Теперь они сохраняются только говорами.

Что значитъ эта двойственность ударенія, несомнѣнно древняя?

По нашему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ глубокой древности, когда форма им мн. отличалась отъ формы вин. мн. удареніемъ. Иначе говоря, форма *жо́ны* нѣкогда была только формою имен. мн., а форма *жены́* — только формою вин. мн., или наоборотъ.

3.

Что такое польск. dziś? Проф. Лось („Сложныя слова въ польскомъ языкѣ“, стр. 42—43) говоритъ: „первоначальная польская форма звучала *дънъсь*“; отсюда уже dziś. Но изъ *дънъсь* непремѣнно получилось бы то же, что и въ другихъ языкахъ, т. е. нѣчто очень близкое къ русск. *днесь*, чешск. dnes. Возможно одно объясненіе: dzi — есть не что иное, какъ древнѣйшая, не дошедшая ни въ какомъ древнемъ славянскомъ текстѣ форма имен. над. ед., употреблявшаяся также и какъ форма вин. ед. (срв. *пламы*, при основѣ *пламен-*, и т. п., съ употребленіемъ въ значеніи не только имен. ед., но и вин. ед.).

---

[1]) Нѣкоторое число примѣровъ въ нашихъ „Лекціяхъ по ист. р. яз.“[4], стр. 277.

4.

Формы род. п. ед. мѣстоименій уже давно интересуютъ ученыхъ, но нельзя сказать, чтобы предложенныя до сихъ поръ объясненія ихъ были сколько-нибудь удовлетворительны. По нашему мнѣнію, изслѣдователи дѣлаютъ крупную ошибку, желая видѣть въ *кого* и т. п. и въ *чьсо* падежныя окончанія *го* и *со* и настаивая на сближеніи *со* съ санскритскимъ *sja*, вмѣсто того, чтобы принять въ этихъ формахъ за падежное окончаніе лишь конечное *о*.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Основа *ког-* и т. п. находится не въ одной формѣ род. п.: она является также въ нарѣчіи *ког-да*, *кы-да*. Близкія къ ней по образованію основы извѣстны въ греческомъ языкѣ: δίχ-ως, πανταχ-οῦ, ἀλλαχ-οῦ, ἐνιαχ-οῦ, πανταχ-οῖ, πανταχ-όσε, πανταχ-όθεν и т. п., съ χ изъ обще-индо-европейскаго *gh*.

Основа *чьс-* имѣетъ еще болѣе многочисленныхъ родичей. Это — прусскія мѣстоименныя основы въ формахъ ед. ч. дат. stes-mu, majas-mu и санскритскія мѣстоименныя основы въ формахъ ед. ч. дат. kas-māi, мѣстн. kas-min, отложит. kas-māt, которыхъ падежныя окончанія родственны съ славянскими окончаніями дат. ед. *му*, твор. и мѣстн. *мъ*, дат. мн. *мъ* и др.

Падежное окончаніе *os*, превратившееся на славянской почвѣ въ *о*, — обычное окончаніе мѣстоименныхъ формъ родительнаго единственнаго: греческихъ παντ-ός, τιν-ός, латинскихъ ej-us, cuj-us и др.

Очевидно, въ *ког-о*, *чьс-о* передъ нами формы, отличающіяся отъ другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же мѣстоименій основою, т.-е., находящіяся къ нимъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся формы *мен-е*, *мы-ѣ* къ формамъ *ми*, *мѫ*, или формы τίς, τί къ τινός и т. п.

Рядомъ съ обще-славянскою формою род. падежа *чьс-о* существуетъ старо-чешская форма того же пад. **чьс-е* (čse). Ея падежное окончаніе — то же, что въ мен-*е*, словес-*е* и т. п.

5.

Мы знаемъ, что русскій языкъ имѣетъ діалектическія формы род. п. *тея́*, *сея́* = тебя, себя и дат.-мѣстн. *тебѣ́*, *себѣ́* = тебѣ, себѣ [1]). Лемки имѣютъ форму дат. *сой* (изъ *сóі*? нашъ „Опытъ русск. діалектологіи“, *Жив. Ст.*, стр. 55). Новѣйшіе труды по западно-славянской діалектологіи показываютъ, что подобныя формы не чужды также моравскимъ, словацкимъ и польскимъ говорамъ.

Бартошъ въ своей „Моравской діалектологіи“ отмѣчаетъ формы родительнаго-винительнаго teje, seje (I, 118, 360) и дат.-мѣстн. teje, seje и se (I, 118). Малиновскій въ описаніи опольскаго говора указываетъ на форму дат. п. se (стр. 50), представляющую, очевидно, стяженіе soje или чего-нибудь подобнаго (съ твердымъ *s*); пѣсни изъ Краковскаго повѣта имѣютъ: inom *se* staneła, i tak ci *se* stoje (1 л. ед.) и т. п. (*Lud*, II, 340); о той же формѣ, какъ встрѣчающейся въ нѣкоторыхъ старопольскихъ текстахъ, говоритъ въ „Исторіи польскаго языка“ Калина: wybij *se* to z głowy, dam *se* radę (I, 336).

Какъ извѣстно, литовскія формы tavęs, savęs, tavė, savė имѣютъ *v* и потому славянскія формы род. п. *тебе, себе* признаются всѣми за заимствовавшія свое *б* изъ формъ дат. п. Въ виду этого представляется возможнымъ предполагать, что на славянской почвѣ существовали нѣкогда формы род. ед. **теве*, **севе*. Западно-славянскіе языки обнаруживаютъ нѣкоторую склонность къ опущенію *в* передъ *i*, *e* и замѣнѣ его *j*-томъ, особенно въ исходѣ словъ. Слѣдовательно, западно-славянскія формы род. teje, seje могли бы быть объяснены изъ древнѣйшихъ teve, seve, а формы дат. teje, seje и se = *soje — какъ новообразовавшіяся подъ вліяніемъ формъ род. п.; но русскія формы представляютъ затрудненіе: русскій языкъ не знаетъ опущенія *в* передъ мягкими гласными.

Такимъ образомъ формы род. п. **теје*, **сеје* должны быть

---

[1]) См. наши „Изслѣдованія въ области русской грамматики“. Есть, хотя и рѣдко, форма дат.-мѣстн. **топ'*, **соп'*.

признаны за болѣе древнія, чѣмъ до сихъ поръ думали, хотя и неясныя по образованію.

6.

Какъ извѣстно, древнія формы склоненія основъ на согласные звуки дошли до насъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду этого не должно оставлять безъ вниманія тѣ скудные ихъ остатки, которые находятся въ древне-русскихъ памятникахъ.

Вотъ три формы дательнаго и творительнаго падежей двойственнаго числа отъ числительнаго десять:

яко лѣтъ двѣма десѧма, Патерикъ Синайскій XII в. 109 об.;

не боле четырь межи десѧма чятъ (= цатъ) даяти, Ефремовская Кормчая XII в. 304,

третій межи десѧма, Радзивиловскій списокъ Кіевской лѣтописи подъ 1141 г. (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 293).

Вотъ одна форма творительнаго падежа множественнаго числа:

десѣми на десяте лѣтъ царствіе соблюдъ, Хронографъ Амартола XV в. 28 об. (Имп. Публичная Библ., Q. IV. 35).

Повидимому, эти формы принадлежатъ древне-русскому языку; по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ находится въ памятникѣ вполнѣ русскаго происхожденія.

Несомнѣнно, эти формы образованы одинаково съ формами дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей множественнаго числа основъ на n, сохранившимися въ памятникахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, но всего болѣе въ памятникахъ древне-русскихъ. Такъ какъ и они довольно рѣдки, то вотъ нѣсколько извѣстныхъ намъ изъ древне-русскихъ текстовъ:

содомлѧмъ, Архангельское Ев. 1092 г. 125;

ерусалимлѧмъ, иерусалимлѧмъ, Минея 1096 г., по изданію Ягича стр. 161, 162 [1]);

---

[1]) То же въ другихъ спискахъ тѣхъ же стихиръ; въ Кондакарѣ XII—XIII в. Московскаго Общества исторіи и древностей: иерусалимлѣмъ 27.

коріонтѣмъ (=коринѳянамъ), Пандекты Антіоха XI в. 217;

свѣтъ всиявъшааго тьмѣ жителямъ, Путятина Минея XI в. 76 об.;

волочамъ (=волочанамъ, жителямъ волока), договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., редакція В (*Русско-Ливонскіе Акты*);

уличямъ (=уличанамъ), Новгородская лѣтопись по списку XIV в. 11 (фототипическое изданіе);

о галеліяхъ, Галицкое Евангеліе около 1266 г. 84 об.;

о галелѣяхъ, Поликарпово Евангеліе 1307 г. 67;

егуптями, македонями, Толкованіе на слова Григорія Богослова XIV в. 63 (Синодальная Библ. № 954) [1]).

Сверхъ того, мы должны привести одну форму винительнаго падежа единственнаго числа:

попьрищю дъвоѫ на *деся.* лавра есть, Патерикъ Синайскій XII в. 36.

Такъ какъ эта форма — въ своемъ родѣ единственная, то понятно, она можетъ быть объясняема простою опиской писца. Но должно сказать, что она сходна съ извѣстною намъ по сложнымъ словамъ формою *дева (=девять).

*Девя*горескъ, названіе города, въ русскомъ Сборникѣ XVI–XVII в. (*Срезневскій,* Свѣдѣнія и Замѣтки, № XL, стр. 99);

русское *девя*силъ, старо-чешское *dewie*sil (*Listy Filologické* 1893 г., стр. 219), польское *dzieu io*sił, сербское *девес*иль (названіе растенія); срв. нѣмецкое neunkraft (названіе того же растенія);

русское *девя*носто (вторая часть не ясна; это слово не принадлежитъ къ числу новообразованій и извѣстно въ древнихъ текстахъ).

7.

Формы дат. ед. и мн. ч. личныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣютъ по двѣ формы: *мънѣ* и *ми, тебѣ (тобѣ)*

---

[1]) Формы мѣстнаго падежа: v Rybách (именительный множ. Rybany), v Chrabrách (им. мн. Chrabrany) и т. п. живутъ до сихъ поръ у словаковъ. См. статью проф. Пастрнка въ *Slovenské Pohl'ady* 1894 г., стр. 253.

и *ти*, *намъ* и *ны*, *вамъ* и *вы*. Но славянскіе грамматики не отмѣтили до сихъ поръ существованія такой же пары формъ дат. пад. также двойств. числа. Только Миклошичъ упомянулъ какъ объ очень рѣдкомъ явленіи — объ употребленіи формъ вин. дв. ч. *на* и *ва* въ значеніи дат. двойств. („Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ“, вып. I, стр. 60); да вслѣдъ за нимъ Бругманъ обмолвился объ формѣ „вин.-дат. *на*“ (Grundriss der vergleichenden Grammatik). Но формы *на* и *ва* — формы не винит., а дат. пад. двойств. числа, лишь созвучныя съ формами винит. (срв формы дат. мн. *ны* и *вы* съ созвучными формами вин. мн.), и употребленіе ихъ не представляетъ чего-нибудь особеннаго (если принять во вниманіе рѣдкость употребленія формъ двойств. числа вообще). Вотъ имѣющіяся у насъ данныя: Супрасльская рукопись: ѥже *ва* рекѫ, что *ва* бысть, стр. 150, 156; древне-русскій Патерикъ Синайскій XII в.: имѣниѥ ѥже *ва* бѣхъ далъ 19 об.; древне-русскій Паремейникъ 1262 г.: аще *на* не даси сести 88; средне-болгарск. Орбелльская Тріодь XIII в.: то *ва* бѫдеть въ снѣдь 35; средне-болгарскій Сборникъ 1348 г.: даѫ вама имѣние еже *ва* бѣхъ прѣжде далъ; древне-русскій Прологъ XIV в. Синодальной Библіотеки № 247: даю *ва* и свою часть 268 об.; древне-русская Палея 1406 г.: отъ всего повелѣ *на* богъ ясти 37; Ипатскій сп. лѣт.: аще *ва* Богъ поиметь брата моего 369. Свидѣтельство Ипатскаго списка говоритъ за принадлежность формъ *на* и *ва* не только церковнославянскому, но и древне-русскому языку.

8.

Извѣстно, что числительное *единъ—одинъ* въ церковнославянскомъ, русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, рядомъ съ нечленными (мѣстоименными) формами, имѣетъ еще формы членныя (съ окончаніями членныхъ прилагательныхъ).

Членныя формы, едва ли очень древнія, имѣютъ въ русскомъ языкѣ также числительныя *два* и *оба*, съ нѣсколько своеобразными окончаніями.

Форма дат.-тв. дв*ѣ*ма (вмѣсто ожидаемой дв*ѣ*ма) не

разъ встрѣчается въ Ипатскомъ сп. лѣт. (между прочимъ, стр. 96, 427, 480, 501).

Форма дат.-твор. об*ѣима* также не разъ встрѣчается въ этомъ же памятникѣ (стр. 291, 295, 297, 521, 562); сверхъ того, форма об*иима* находится въ Требникѣ Шереметева XIV в. (изд. Общ. Др. Пис., л. 121) и въ Законѣ Судномъ по сп. XIV—XV в. (*Русск. Достопам.*, II, стр. 150).

Форма род.-мѣстн. об*ѣихъ* обычна въ великорусскихъ документахъ XV—XVII вв.: об*ѣихъ* великихъ князей, у об*ѣихъ*, грамота 1456 г. *А. А. Э* I, 44; зовутъ ихъ об*ѣихъ*, въ об*ѣихъ* селехъ, грамоты XVI в. *Акты Оед.-Чеховскаго* I, 152, 226, и др. (срв. болѣе древнюю юго-зап.-русскую форму об*ѣю*: въ об*ею* ушей, об*ею* ноздрей, мѣстн., зап.-русск. Страсти Христовы XV в., изд. Общ. Др. Пис., стр. 27; по об*ѣю* сторон(ъ?), вкладная 1526 г. въ Ев. Кіевскаго Михайловскаго монастыря, *Крыжановскій*, стр. 170—171).

Современные великорусскіе говоры имѣютъ формы мн. ч. об*ѣимъ*, об*ѣихъ*, об*ѣими* (рядомъ съ однозначащими об*оимъ*, об*оихъ*, об*оими*, отъ прилаг. *обой*).

Приведенныя формы образованы одинаково съ членными формами: т*ѣи* изомроша, Ипатск. сп. л. 589, и т. п., за так*ея* насмѣшки, сборникъ пѣсенъ Смирнова, стр. 81 (Владим. губ.), до к*еихъ* поръ [1]); срв. формы тв. ед. т*ѣю* деревнею, т*ѣю* землею и т. п., грамота 1473 г. *А. Юр.* 438.

Формы тр*еими* тысящами и тр*ъими* сты, Ипатск. сп. л. 526 (при формѣ род. мн. *трьи*, *трей*), едва ли могутъ быть названы членными.

9.

Общеизвѣстно, что для логическаго усиленія, одно изъ словъ въ предложеніи можетъ быть удвоено: „*чего-чего* я не видалъ“, „*все-все* я знаю“, „*едва-едва* успѣлъ“ и т. п. Но мало извѣстно, что такого рода удвоеніе слова ведетъ къ образованію новыхъ словъ въ языкѣ (которыя должны быть причисляе-

[1]) Срв. выше, стр. 34.

мы къ словамъ сложнымъ). Русскій языкъ имѣетъ нѣсколько такихъ новыхъ словъ.

Прежде всего это — мѣстоименія *тотъ* и *сесь* (им.-вин. ед. муж. р.).

Мѣстоименіе *тотъ*, изъ *тъ-тъ*, засвидѣтельствовано памятниками съ XII—XIII вв.: такъ называемымъ Златоструемъ XII в., л. 73 об., смоленскимъ договоромъ 1230 г., Прологомъ 1262 г., новгородскимъ договоромъ 1270 г., рядною Тѣшаты, галицкими грамотами конца XIV и начала XV в. и др. Современные великорусскіе говоры имѣютъ это мѣстоименіе едва ли не всѣ; изъ бѣлорусскихъ лишь немногіе окраинные; въ малорусскихъ говорахъ оно нерѣдко (здѣсь рядомъ съ им.-вин. ед. муж. рода *тотъ* — им. ед. женск. рода *тота́*, им.-вин. ед. ср. рода *тото́*, вин ед. женск. рода *тоту́*, твор. ед. *тотимъ* и *тото́ю* и т. п.).

Мѣстоименіе *сесь*, изъ *съ-сь*, засвидѣтельствовано памятниками съ XIV в.: Поликарповымъ Евангеліемъ 1307 г., лл. 34 об., 85, Ев. 1393 г., л. 50, Ев. XIV в. Троицкой Лавры № 5, л. 13, галицкою грамотою 1398 г., Лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи, стр. 182, Ипатскимъ спискомъ, стр. 137, 188, и др. Современные великорусскіе говоры имѣютъ его не всѣ (между прочимъ его не имѣетъ подмосковный говоръ, хотя въ московскомъ дѣловомъ языкѣ XVII в. оно было; напр., см. *Дополн. къ Акт. Ист.*, т. VII, стр. 53, 1676 г.); въ нихъ это мѣстоименіе звучитъ и *сесь*, и *сёсь*; въ бѣлорусскихъ говорахъ оно намъ неизвѣстно; малорусскіе говоры его имѣютъ, повидимому, не всѣ (въ нихъ рядомъ съ *сесь* — *сеся́*, *сесе́*, вин. *сесю́*, тв. *сеси́мъ*, *сесе́ю* и т. п.).

Другіе славянскіе языки этихъ мѣстоименій не имѣютъ (впрочемъ въ старо-чешскомъ отмѣчено tet = *тътъ*; *Gebauer*, Historická mluvnice, III, 442); но въ нихъ встрѣчаются однородныя образованія: старо-чешск. им. ед. tentýž, род. tohotéhož, им мн. titíž, род. těchtýchž и т. п. (*Gebauer*, III, 450—451). Сверхъ того, старый и новый чешскій языкъ имѣетъ форму вин. ед. муж. рода мѣстоименія *и*: jej, изъ jij (*e* вмѣсто *i* — подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ того же мѣсто-

именія), рядомъ съ которою формы дат.-мѣстн. ед. женск. рода jejej, род. мн. jejích, дат. jejím, и др. (*Gebauer*, III, 468—469).

Далѣе передъ нами нарѣчіе *тóто*: „ужъ *тото* крови будетъ течь“, „*тото* будетъ пиръ горой“, „*тото* вотъ вы подлый народъ такой“ (Островскій), „*тото* тошно, *тото* грустно“ (народная пѣсня), „*тото* мнѣ и радость, *тото* и веселье“ (народная пѣсня), восходящее къ мѣстоименію *то-то*, которое едва ли слѣдуетъ ставить въ непосредственную связь съ мѣстоименіемъ *тотъ*.

Далѣе передъ нами нарѣчіе *чуть-чуть*, восходящее къ формѣ неопредѣленнаго наклоненія.

Наконецъ, передъ нами предлогъ **въвъ*. Нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ (данныя относятся къ говору Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи) имѣютъ: *вовъ* чистомъ полѣ, *вовъ* сине море, *вовъ* высокъ теремъ (*Рыбниковъ*, Пѣсни, II, 250); часть южно-великорусскихъ, бѣлорусскіе и малорусскіе говоры имѣютъ *увъ*, вмѣсто *въ*, очень часто, особенно передъ гласными: *увъ* овсѣ (но также: *уво* снѣ). Совершенно такіе же предлоги находятся въ ново-болгарскомъ языкѣ: *във* и *със*.

Родственные индо-европейскіе языки имѣютъ подобныя слова, въ ограниченномъ впрочемъ количествѣ. Напомнимъ, между прочимъ, объ латинскихъ формахъ вин. ед. обычной sese и рѣдкихъ meme, tete, въ лексиконѣ Феста emem (при старолатинской формѣ вин. ед. em, im, отъ is), объ латинскомъ quisquis (съ значеніемъ нашего *кто-кто*, *кто ни*).

Срв. употребленіе рядомъ словъ-синонимовъ въ родѣ *путь-дорога*, *для-ради*, гомеровск. ἀμφὶ-περί, и такихъ сложныхъ словъ, какъ польск. oba-dwa, греч. ὅσ-τις.

10.

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1177 г. сохранилъ одну важную форму вин. п.: Глѣбъ пріѣха на Московъ. Она позволяетъ намъ смотрѣть какъ на древнія—на формы Ипатскаго списка: на Моськви (1175 г.), из Москве, до Москвѣ (1176 г.). Изъ этихъ формъ видно, что первоначально слово *Москва* имѣ-

ло формы: имен. п. *Москы*, род. *Москъве* и т. д., склоняясь по образцу *свекры* и другихъ именъ женск р. на *ы*. Но въ XIV в. уже утвердилась новая форма имен. п. *Москва* и стала склоняться какъ всѣ имена женск. р. на *а*; срв. современн. *смоква*, *тыква*, *церква* и т. п. изъ смокы, тыкы, цьрькы.

Имя *Москы* (сначала только названіе рѣки) не было единственнымъ мѣстнымъ названіемъ на *ы* въ средней Россіи. Ипатскій списокъ подъ 1147 г. даетъ намъ: верхъ Поротве; первоначальная форма имен. п. должна быть *Пъръты, род. Пърътъве и т. д. [1]). Лаврентьевскій сп. подъ 1149 г.: отъ Стрякве, перешедше Стряковъ; подъ 1142 г.: по Стрѣкви; имен. п. долженъ быть Стрякы [2]).

Позволительно думать, что многія другія названія русскихъ рѣкъ, какъ Непрядва, Смедва (Тул. г.), Болва (Калужск.), Пожва (Ряз.), Ивка (Волынск.), Титва (Черниг.), Немолодва (Черн.), первоначально имѣли форму имен. п. на *ы*. То же можно сказать и о названіи Снова—Сновъ, имѣющемъ значительное распространеніе (вѣроятно, изъ *Съны или *Сьны).

Языкъ, давшій намъ названія *Москвы* и т. п., вѣроятно, имѣлъ форму им. п. на ō.

11.

Основы церк.-слав. имперфекта на *аа*, *ъа* (изъ *аја*, *ъја*) стоятъ особнякомъ въ ряду славянскихъ глагольныхъ основъ; но не совсѣмъ. Основа *имаа-* (изъ *имајо-*), кромѣ имперфекта, находится въ церковно-славянской формѣ настоящаго времени *имаа-мъ*. Другія подобныя основы извѣстны намъ лишь въ двоякомъ видоизмѣненіи: 1) со стяженіемъ двухъ *а* въ одно ā, и *ъ* и *а* въ одинъ *ъ* — въ многочисленныхъ формахъ наст. вр. сербскихъ, чешскихъ, польскихъ и т. д.: сербск. имāм, игрāм, чешск. mám, hrám, znám, umím, польск. mam, znam (въ нѣкоторыхъ говорахъ: mom, znom, съ *о* изъ ā), umiem, и 2) съ опу-

[1]) Нынѣ Протва (Калужск. губ.).
[2]) Рѣка въ Переяславскомъ княжествѣ (южномъ).

ніемъ *j*-та и послѣдовавшей вставкою *в* (подъ вліяніемъ основъ съ древнимъ *в*: быва-ти, шива-ти и т. п.) — въ многочисленныхъ формахъ всѣхъ временъ и наклоненій церковно-славянскихъ, чешскихъ и т. д.: церк.-слав. страдава-ти, коньчава-ти, вѣньчава-ти, отвѣщава-ти, недоумѣва-ти, чешск. областн. (съ фреквентативнымъ значеніемъ) sědáva-ti, vidéva-ti. Но древніе памятники сохранили имперфектную основу въ ея неизмѣненномъ видѣ также въ нѣсколькихъ формахъ причастія на *лъ*. Одна изъ нихъ находится въ Зографск. Евангелии: *съпъалъ* 37; другія найдены нами въ средне-болгарскихъ текстахъ: аще мѧ бисте *знаѣле* и отьца моего *знаали* бисте, Ев. Григоровича XII в. № 1690, л. 54 об.; аще мѧ бисте *знаали* и отьца моего *знаали* бисте, Карпинское Ев. XIII в., л. 22; аще мѧ бисте *знаяли*, отьца моего *знаяли* бисте, Ев. Бѣлградск. Народн. Библ. XIII в. № 63, л. 20; *знаали*, Ев. Верковича XIII—XIV в. Q. I. 43, лл. 12, 12 об. (дважды); *знаати*, Сборникъ Григоровича XIV в. № 1703, л. 5 об.; срв. ново-болг. *живеал* (*Arch. für slav. Phil.*, XIII, 545), макед. *знаял*, *желаял*. Сербскій Шестодневъ 1263 г., списанный со средне-болгарскаго оригинала, имѣетъ: *вѣдѣати* 8, *ослабѣавъша* 37 об.; русская Минея 1097 г.: *освѣщаянъ*, л. 58. Сверхъ того, молдавскія грамоты XV—XVI вв., писанныя на смѣшанномъ русско-болгарскомъ языкѣ, имѣютъ разнообразныя формы глагола *пріяти* (между ними и форму неопред. накл.; сборникъ *Улянщкаго*, стр. 37, 38, 40 и друг.), съ значеніемъ ц.-слав. *пріяти*; польскіе говоры—формы глагола *ziajać* (*Sprawozd. Komiss. jęz.*, IV, 352) = *зьяять (зѣвать) и сѣверно-великорусскіе говоры—формы глагола *съяять*, *зъяять* (сіять; *Пермскій Сборникъ*, I, 20; Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, IX, 128; *Р. Филол. Вѣстн.* 1899 г., № 1, 60; *Соколовъ*, Великор. свад. пѣсни... Сарат. губ., 37, и др.).

Столь широкое употребленіе имперфектныхъ основъ показываетъ, что намъ нѣтъ надобности придумывать хитрыя теоріи происхожденія славянскаго имперфекта, и что мы должны признать въ имперфектѣ одно изъ образованій сигматическаго аориста, не имѣющее значенія аориста вслѣдствіе того, что его основа имѣла сильно-длительное видовое значеніе [1]).

[1]) Срв. нашу замѣтку въ *Р. Филолог. В.* 1882 г., № 2.

12.

Многимъ кажется смѣлымъ объясненіе въ древне-русской формѣ 1 л. мн. ч. ес*мя* конечнаго *я* изъ **ѧ**. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли эту форму поставить въ связь съ словинскими, словацкими, польскими формами 1 л. то множественнаго, то двойственнаго числа на *ма* (словинскія s*ma*, hod*ma*, польскія ś*ma*, będzie*ma*, словацкія trha*ma*), и съ литовскими медіальными формами 1 л. мн. на *mo*-s, русскіе родичи которыхъ, формы 1 л. мн. знае*ма*, дѣлае*ма*, указаны Далемъ въ говорѣ Вышневолоцкаго уѣзда? Срв. въ житіи св. Симона Воломскаго XVII в. (составленномъ на сѣверѣ Руси): двѣ женѣ повѣдаше о себѣ яко много скорбѣхо*ма*... обѣщахо*мася*... пріяхо*ма* (Синодальная Библіотека, № 406, лл. 36 об., 37), и въ одномъ Евангеліи XVII же в.: ес*ма*, пріидем*а*, сотворим*а* (Описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки, I, 288).

13.

Бѣлорусскіе говоры Могилевской губ. имѣютъ формы 3 л. ед. и мн. наст. вр. на *ти*:

по мнѣ, широкой дорози, йду*ти* и ѣдуть,
пусть не ожида*яти* ето лѣтечко мене,
пусть ожида*яти* послѣ зимы,
што ето за мѣсячко: ночьчю свѣти*ти*, а днемъ не,
што ето за другъ: лѣтомъ ходи*ти*, зимой не,
рѣчи говора*ти*, любить Ванюшку хотять,
голова загорѣлася была, гори*ти*, гори*ти*,
во такъ игрушку (грушу) сади*яти*, во такъ поливаять,
оцецъ и маци до школы пойду*щи*,
подружки говора*ти*, мене глупою зовуть,
жонки йду*ти*, обѣдати несу*ти*,
уси хлопци бѣгу*ти* [1]), и др.

---

[1]) *Романовъ*, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. I—II, стр. 80, 90, 103, 117, 180, 184, 199, 213, 230, 231 (въ пѣсняхъ).

Эти формы не чужды великорусскимъ говорамъ: въ Калужской губ.: кого мнѣ любить буде*ти*? [1]); въ Олонецкой губ.:

Онѣ пѣсенку, лебедушки, спѣва*ю*т*и*,
Мнѣ волюшку онѣ да спотѣша*ю*т*и*
И меня вотъ, дѣвушку, онѣ да звеселя*ю*т*и* [2]).

Прежде мы готовы были видѣть въ нихъ архаическія формы 3 л. съ особымъ окончаніемъ, совершенно отличнымъ отъ окончанія *ть* [3]). Но теперь намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что эти формы — потомки тѣхъ древне-русскихъ формъ 3 л. на *ти*, которыя образовались изъ формъ на *ть* при послѣдующемъ *j*-тѣ (веде*ти* и, веду*ти* и т. п.) [4]) и которыя особенно часто встрѣчаются въ древне-русскихъ текстахъ кіевскаго и галицко-волынскаго происхожденія.

Сравни формы 1-го л. ед. имперфекта на *хи*, старыя хорватскія (между прочимъ въ рукописяхъ Крижанича) и современныя чакавскія: говора*хи*, копа*хи*, хоя*хи* (= церк.-слав. хождаахъ). Покойный Гейтлеръ возводилъ *хи* этихъ формъ къ *хы*, *сы*, sun, sum, sam [5]). Но едва ли это окончаніе не находится въ тѣснѣйшей связи съ окончаніемъ формъ 3-го л. ед. и мн. *ты* древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ, образовавшимся изъ *ть* при послѣдующемъ *j*-тѣ: веде*ты* и, и т. п. [6]), и не восходитъ къ окончанію *хы* формъ ведѣа*хы* и (съ послѣдующимъ *j*-томъ).

14.

Древне-русскіе списки съ церк.-слав. оригиналовъ нерѣдко имѣютъ формы 2 л. ед. *хощи* и *обрящи* въ двухъ значеніяхъ: 1) повел. н. и 2) изъявит. н. (по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ):

не упадаися на доброту женъскѫ и женѣ не *похощи*, Пандекты Антіоха XI в. 40 об.;

---

[1]) *Калужскія Губернскія Вѣдомости* 1860 г., № 27—28 (въ пѣснѣ).
[2]) *Славянская*, Описаніе русск. крестьянской свадьбы, II, 13.
[3]) Изслѣдованія въ области русской грамматики.
[4]) Срв. нашъ „Древній церковно-славянскій языкъ", стр. 104.
[5]) *Rad Jugoslovenske Akademije*, кн. LVIII, 1881 г.
[6]) Нашъ „Древній церковно-славянскій языкъ", стр. 103

не отиди ни *вѣсхощи* себе отълучити, Синайскій Патерикъ XII в. 66 об.;

обрящи ἀναζήτησον, Тріодь Постн XII в. Синод. Библ. № 319, л. 240;

приобрящи κτῆσαι, Лѣствица XII в. 194, и т. п.;

блюдися, коликы *хощи* труды погубити, Синайск. Патер. XII в. 11 об.;

рече ми: *хощи* ли, да глаголю, Син. Пат. 134;

аще *хощи* друга и створити, то вельми одължи его, Златоструй XII в. 18 об;

сльма велии еси, тольма смираися, и *обрящи* благодать, Панд. Ант. 99; и т. п.

Церк.-слав. формѣ *хощи* соотвѣтствуетъ др.-русск. *хочь*, теперь въ русскихъ говорахъ звучащая или *хочъ*, или *хошь*.

Образованная одинаково съ ц.-слав. *вижды*, *даждь* и др., др.-русск. *вижь*, *дажь* и др., она показываетъ, что въ ней мы имѣемъ дѣло съ древнею формою желательнаго накл., отчасти сохранившею это свое значеніе, но главнымъ образомъ получившею значенія повел. и изъявит. накл.

Существованіе церк.-слав. формъ въ родѣ *вижди*, *даждь*, правда, рѣдкихъ, подкрѣпляетъ наше мнѣніе о большей древности окончанія *ь* въ **хощь*, *хочь* передъ окончаніемъ *и* въ *хощи*

Кромѣ формъ *хощи* и *обрящи*, мы имѣемъ форму *можь*. Ея образованіе должно быть однородно съ образованіемъ *даждь*, **хощь*.

Форма *можь* (произносится: *мош*) въ онежскихъ былинахъ имѣетъ значеніе 2 л. ед. изъяв. н.: буде (если) *мошь* отлить ты кровь, не *мошь* ты живъ быть (*Гильфердингъ*, стр. 97, 92), и т. п.

Малорусское *можъ* употребляется безъ яснаго значенія лица, въ смыслѣ нашего *можно*: така красота, що не *можъ* ся надивити; на дворі морозъ, гуляти не *можъ*; ту стояти не *можъ*, и т. п.

Сербскія народныя пѣсни имѣютъ *мош* = можешь: акол' не *мош* одвести сватова (*Караджић*, II), и т. п.

Старые чешскіе тексты имѣютъ *tož* и *tiož* то съ значеніемъ 3 л. ед., то въ смыслѣ *можно*: muřenin ne *tiož* své

kuožè proměniti, to již jinak ne *množ* byti (Svatovitský Rukopis, стр. 157, 189), и т. п.

Первоначальное значеніе формы *можь* — 2-е и 3-е л. ед. ед. желательн. (=могъ бы) и далѣе изъяв. п.

Русская форма 2 л. ед. повел. не *трожь* = не трогай и польская *prosz* — одного образованія съ формою *можь*. Въ нихъ *ж* и *ш* образовалось изъ *ij* и *cj*, гдѣ *j* принадлежитъ, очевидно, суффиксу желат. п.

15.

Проф. В. К. Поржезинскій полагаетъ, что формы возвратнаго залога на славянской и литовской почвахъ — явленіе вполнѣ новое.

„То немногое, читаемъ мы у него („Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ“, стр. 86), что намъ извѣстно изъ прусскаго языка, съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ въ пользу того, что *въ общебалтійскую эпоху* не было еще формы возвратнаго залога... Мы имѣемъ неопровержимое свидѣтельство (при всѣхъ недостаткахъ текстовъ) въ пользу того, что въ прусскомъ языкѣ извѣстны были только словосочетанія, заключавшія въ своемъ составѣ глаголъ и возвратное мѣстоименіе“. Авторъ ссылается на „Thesaurus“ Нессельмана, стр. 150, гдѣ однако нѣтъ ничего, что подтверждало бы его слова. Но дѣло не въ этомъ, а вообще въ памятникахъ прусскаго языка. При поверхностномъ даже сличеніи прусскаго перевода „Катехизиса“ и „Энхиридіона“ съ ихъ нѣмецкими оригиналами видно, что этотъ переводъ буквалень до безсмысленности, что переводчикъ слѣдовалъ за нѣмецкимъ текстомъ буква за буквой, передавая каждый нѣмецкій членъ черезъ прусское указательное мѣстоименіе, каждое нѣмецкое mich, dich, sich — черезъ соотвѣтствующія прусскія мѣстоименныя формы. Такимъ образомъ, искать у него существовавшихъ въ прусскомъ языкѣ возвратныхъ формъ невозможно, и все, что имъ дается для перевода нѣмецкихъ возвратныхъ формъ, не имѣетъ никакого отношенія къ живымъ прусскимъ возвратнымъ формамъ. Словомъ, даже спорнаго

свидѣтельства pro или contra для даннаго случая прусскіе тексты въ себѣ не заключаютъ.

По мнѣнію проф. Поржезинскаго, старыя образованія (каковы и формы возвр. зал.) сначала утрачиваются языкомъ; потомъ слѣдуетъ періодъ въ жизни языка, когда языкъ обходится безъ старыхъ образованій и не имѣетъ еще новыхъ; наконецъ уже онъ создаетъ эти послѣднія.

Но это мнѣніе не подтверждается исторіей языка. Она говоритъ о тѣсной связи старыхъ образованій съ новыми, объ ихъ сожительствѣ рядомъ и объ вытѣсненіи однихъ, устарѣвшихъ, другими, болѣе живыми. Такимъ образомъ, славянскія и литовскія формы возвр. зал., не смотря на то, что по своему образованію они далеки отъ формъ возвр. зал. санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ, по своему значенію и употребленію находятся въ близкомъ родствѣ съ ними и восходятъ (опять таки только по значенію и употребленію) къ формамъ возвр. зал. обще-индо-европейскаго праязыка.

16.

Какъ извѣстно, древне-русскія и чешскія причастія настоящаго времени на *a*: рьк*a*, ѣк*a*, ид*a*, jd*a* (= церк.-слав. реки, иды) и т. п., объясняются учеными различно. Они находятся въ языкахъ, утратившихъ носовые гласные, и ихъ *a* можетъ быть возводимо къ ѧ. Но до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія на польскія причастія. Нѣсколько лѣтъ назадъ открытые проф. Брюкнеромъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ польскіе отрывки XIV в., отличающіеся богатствомъ архаическихъ чертъ языка [1]), имѣютъ нѣсколько разъ причастную форму rzek*a*, при которой лишь одинъ разъ находится форма rzekę. Г. Брюкнеръ видитъ въ ней чехизмъ, но безъ малѣйшаго основанія: памятникъ не имѣетъ несомнѣнныхъ чехизмовъ (кромѣ формы дат. nikomemu никому, о которой однако слѣдуетъ еще произвести

[1]) Въ нихъ находится рядъ формъ аориста (изъ нихъ формы 3-го л. мн. съ окончаніемъ *chą*), форма jeść (=есть), формы им. и вин. мн. ч. ср. р мѣстоименій (*ta* ista słowa), формы togo, tomu. Отрывки („Kazania Świętokrzyskie“) изданы въ *Prace Filologiczne*, т. III, вып. 3, 1891 г.

изслѣдованіе); частое употребленіе этой формы и ея *e* говорятъ въ пользу ея вполнѣ польскаго происхожденія; другія данныя также заставляютъ смотрѣть на нее, какъ на польскій архаизмъ. Она не составляетъ особенности петербургскихъ отрывковъ и не разъ встрѣчается въ Шарошпатацкой Библіи XV в.: rzek*a*, съ тѣмъ же *e*, рядомъ съ формою rzkę. Только при ея помощи можетъ быть объясненъ такой современный польскій потомокъ причастныхъ формъ, какъ chci*a* (ц.-слав. хота; срв. въ петербургскихъ отрывкахъ: pobudzaję, pamiętaję и т. п.; въ Шарошпатацкой Библіи: winię, chcę).

Польскія формы rzek*a* и chci*a* дѣлаютъ очевиднымъ, что *a* древне-русскихъ и чешскихъ причастій не можетъ быть объясняемо какъ *a* въ современныхъ русскихъ идя, неся, и что его необходимо ставить въ непосредственную связь съ *ы* въ церк.-слав. реклы и т. п.

Проф. Калина въ своей „Исторіи польскаго языка“ о причастныхъ формахъ на *a* не упоминаетъ.

Толтры.

Малорусы Подольской губ. называютъ находящіеся у нихъ отроги Карпатскихъ горъ, высокіе холмы съ усѣченными вершинами — *тоўтры, толтры*. Если мы припомнимъ возможность здѣсь диссимиляціи плавныхъ, то мы возстановимъ древнѣйшую русскую форму этого названія въ видѣ **търтри, *търъгри* или **търтъри* [1]).

Др.-чешское *Trtri* (Козма Пражскій; списки имѣютъ написанія tritri, tritry) вполнѣ подтверждаетъ наше возстановленіе.

Трудно сомнѣваться, что есть какая-то связь между формою **Търтри* и нынѣ существующею обще-употребительною у ближайшихъ славянъ *Tatry*, род. *Tatrow*; такъ, какъ извѣстно, называютъ отдѣльныя части Карпатъ. Приходится предположить, что **Търтри* перешло къ славянамъ отъ первоначальныхъ собственниковъ этого названія и представляетъ древнѣйшую форму названія, а **Татри* получено славянами много позже, когда они уже сдѣлались собственниками или мѣстъ ближайшихъ къ Карпатамъ, или самыхъ Карпатъ.

См. выше — сказанное нами о названіяхъ *Селигеръ* и *Бескидъ*.

---

1) Синайскій Требникъ, по изд. Гейтлера стр. 94, имѣетъ: въ глѫбины *тръторъскыѧ* прѣданъ. Рѣчь идетъ, конечно, о классическомъ Тартарѣ.

Попрадъ.

Горная рѣчка, носящая названіе *Попрадъ*, притокъ Дунайца (притока Вислы), вытекаетъ изъ словацкой области (изъ Татръ) и течетъ въ предѣлахъ угорскихъ между горами. Ея названіе — сложное слово, вторая часть котораго тожественна со второй частью названія рѣчки *Сно-породъ* или *Сне-породъ*, извѣстнаго намъ изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1170 и 1187 гг. и изъ нѣсколькихъ позднихъ документовъ; нынѣ *Сѣнородъ*, въ Полтавской губ., близъ Лубенъ (притокъ Днѣпра). Первоначальная форма этой части — *пѣрд-*, необъяснимая при помощи славянскихъ языковъ.

Тожество двухъ названій для рѣчки, одного въ Закарпатьѣ, другого у Днѣпра, свидѣтельствуетъ о близкомъ родствѣ населенія въ этихъ мѣстахъ въ до-славянскую эпоху.

Срв еще названія рѣкъ: 1) *Торецъ* и *Торица* (притоки Тисы) въ Угорской Руси, *Торъ* (притокъ Донца) между Дономъ и Днѣпромъ и *Торуса* въ Калужской губ.; 2) *Ваг* (притокъ Дуная) въ словацкихъ предѣлахъ и *Вага* (притокъ Десны) въ Черниговской губерніи.

Нѣсколько этнографическихъ названій.

1. Чехъ.

Рядомъ съ обычною формою *чехъ* древне-русскіе тексты имѣютъ менѣе обычную форму *чахъ*. Такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. (стр. 25) мы читаемъ *чахи* (вин. мн.); въ Троицкомъ сп. лѣт (тамъ же): *чахи*; въ Ипатскомъ спискѣ (стр. 102): *чяхы*. Академическій списокъ Суздальской лѣт XV вѣка имѣетъ *Чахове* (им. мн.; Лѣт. по Лавр. сп., стр. 476), и т. п. Однородные случаи употребленія формы *чахъ* мы встрѣчаемъ въ другихъ спискахъ русскихъ лѣтописей (не исключая и сводной лѣтописи московскихъ царей XVI—XVII в.), въ документахъ „Крымскихъ дѣлъ“, связанныхъ съ московской великокняжеской канцеляріей (здѣсь въ документѣ 1492 г.: о *часъхъ*, *чаской* — король — съ угорскимъ бился), въ юго-западно-русскомъ переводѣ польскаго Вислицкаго статута (здѣсь: *часка* ричь = чешскій языкъ). Населеніе Архангельской губ. еще сохраняетъ выраженіе Начальной лѣтописи „между *чахи* и ляхи“ въ значеніи: ни то, ни се [1]).

Изъ южно-славянскихъ текстовъ мы можемъ указать лишь на одинъ сербскій списокъ апокрифа, гдѣ *чахове*, им. мн. (рядомъ съ *чехъ*, *чешкаа*; *Тихонравовъ*, Пам. отреч. р. литер. II, 441). Въ западно-славянскихъ текстахъ мы не нашли формы *чахъ*; но надо отмѣтить приведенныя Гебауэромъ въ его старо-

[1]) Любопытно, что въ верхне-лужицкомъ языкѣ есть выраженіе: to su moje čechi i lechi (*Wisła*, X, 148), въ значеніи: это — все мое достояніе.

чешскомъ словарѣ старыя чешскія мѣстныя названія *Cachov* и *Čachovici*.

Мы не согласны ни съ одной изъ предложенныхъ этимологій слова *чехъ*. Намъ кажется, что послѣднее необходимо считать образованнымъ одинаково съ словами общ.-сл. **лѧхъ* [1]) и русскимъ *полѣхъ* (откуда *польшукъ*). Первое, въ виду др.-русск. прилагательнаго **лѧдьскъ* польскій, должно считаться производнымъ отъ **лѧда*; второе находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ *полѣсье* лѣсистая страна. Первоначальный видъ слова *чехъ—чахъ*, кажется, опредѣляется ср.-в.-нѣмецкимъ *kebse* concubina, и др.-сѣвернымъ *kefser* Sklawe (Kluge); срв. нѣм. *sklawe*, англо-сакс. *wealh* Sklawe; мы можемъ его возстановить въ видѣ **кѣпсъ*, *кѣпсъ*.

Если мы правы, видя въ *чехъ чахъ* корень *чеп-* — *чап-*, мы должны связать эти слова съ русскими глаголами *чепати*, *чапати* зацѣплять, захватывать, родственники которыхъ имѣются во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и съ существительными русск. *чапъ*, ст.-чешск. *čep*, *čap* (Gebauer) цѣпъ, болг. *чепъ*, *чепка* сукъ, *чепатъ* суковатый, русск. *чепыга*, *чепыга* деревянная часть плуга (Даль), польск. *czapiga*, *czepiga* id., и т. п.

2. Хорватъ.

Списки нашей Начальной лѣтописи, говоря о *хорватахъ*, передаютъ ихъ названіе двоякимъ способомъ. Лаврентьевскій списокъ имѣетъ хр*о*вате 5, хр*в*ате 12, хр*а*ваты 44 (дважды), хо*р*ваты, хо*р*ватьскыя 119; въ Троицкомъ сп. было хр*о*вате и хо*р*вате; въ другихъ спискахъ постоянно: хо*р*вате. Написаніе хо*р*ватъ легко объяснимо изъ хр*ъ*ватъ (срв., между прочимъ, го*р*тань изъ гр*ъ*тань); а написаніе хр*ъ*ватъ имѣетъ всѣ признаки древности. Константинъ Багрянородный пишетъ: Χρωβάτοι, Βελοχρωβάτοι; въ грамотѣ объ учрежденіи пражской епископіи (подлинной или подложной, для насъ безразлично, въ виду ея несомнѣнной древности): C*r*ovati et altera Ch*r*ovati; грамоты

---

[1]) На *ѧ* въ этомъ словѣ указываютъ сербскія формы *лехъ*, *леси* (наприм. въ запискахъ сербскихъ книгъ, у *Л. Стояновича* №№ 1092, 1094).

хорватскихъ князей, папъ, угорскихъ королей изстари имѣютъ Chrovati, Chrobati, Croati (см. „Rječnik“ Юго-славянской Ак. Н.); здѣсь въ *ро* можно видѣть только передачу славянскаго *ръ*. никакъ не *гр*.

Странное Charvat, извѣстное изъ старыхъ чешскихъ текстовъ, живетъ до сихъ поръ у прибалтійскихъ словинцевъ. Они всякаго мужчину (или мужика) называютъ karvatk (*Tetzner*, Die Slovinzen, стр. 2) [1]).

Вторая часть разсматриваемаго здѣсь этнографическаго названія обращаетъ на себя вниманіе близостью ко второй же части скиѳо-сарматскихъ племенныхъ названій: Σαρμάται, Συρμάται, Παραλάται, Αδχάται.

3. Гътинъ и другъ.

Др.-русскіе памятники знаютъ народное названіе *гътинъ*, мн. ч. *гъте*.

Документы Новгорода и Смоленска XIII—XIV вѣковъ такъ именуютъ жителей о. Готланда. Слово о полку Игоревѣ называетъ этимъ названіемъ готовъ жившихъ въ концѣ XII в. въ Крыму. Святцы при церковныхъ книгахъ и Прологъ пользуются имъ для обозначенія готовъ вообще (Апостолъ 1307 г.: Савы *Гтина* 163 об.; Прологъ XIII в. Типогр. Библ. № 372, подъ 15 апрѣля, когда воспоминается церковью страсть св. Саввы Готина: *гътинъ, гътьскому* князю, страны *гътьскыя*, и т п.).

Памятники, переведенные съ греческаго на церковно-славянскій языкъ не въ Россіи, имѣютъ только: *готѳъ*, мн. *готѳи*.

Германская форма, легшая въ основаніе древне-русскаго названія, имѣла на мѣстѣ славянскаго ъ германское ŭ: gut-.

---

[1]) Срв статью проф. Поливки: „Chorvát, Charvát či Chrvát?“, *Slovanský Sbornik* 1884 г. Гейтлеръ связывалъ названіе хорватъ съ литовск. šarvas оружіе, šarvotas вооруженный („Etimologija imena Hrvat“, *Rad*, XXXIV, 1876 г.), — по нашему мнѣнію, неудачно. Проф. Браунъ сближаетъ это названіе съ германскимъ названіемъ Карпатскихъ горъ Harfatha, — также неудачно.

Наша Начальная лѣтопись по старшимъ спискамъ имѣетъ нерѣдко написаніе *търкъ*, мн. ч. *търци*. Такъ назывались у русскихъ до-монгольскаго періода кочевники тюркскаго происхожденія (изъ сыновъ Измаиловыхъ, какъ выражается подъ 1096 годомъ авторъ лѣтописи), родственные съ печенѣгами и половцами. Они были, повидимому, остаткомъ большого племени, нѣкогда игравшаго роль въ южно-русской степи, вынужденные напоромъ своихъ единоплеменниковъ отойти къ русскимъ поселеніямъ и отдаться подъ защиту и покровительство русскихъ князей. Послѣ татарскаго нашествія на Русь объ нихъ въ нашихъ источникахъ нѣтъ уже извѣстій.

Если мы сравнимъ ихъ названіе съ названіемъ русск. *турокъ, турка*, мн. *турки*, сербск *турак, турци*, польск. *turek* и т. п., то мы увидимъ ихъ значительную звуковую близость. Разница въ одномъ: древне-русская форма имѣетъ *ъ*, а новѣйшая славянская — *у* послѣ *т*.

Начальная лѣтопись, переименовывая народы Балтійскаго побережья, упоминаетъ о племени *кърсь*. Это, конечно, то племя, которое у позднѣйшихъ литовцевъ называется k*u*r*š*ē, а у лотышей k*u*rsē, одно лицо изъ этого племени — k*u*r*š*aitis. И здѣсь мы имѣемъ слав. *ъ* на мѣстѣ чужого ŭ.

Слово о полку Игоревѣ, говоря о половцахъ, одинъ разъ называетъ этотъ народъ *хынъ* или *хынова* („великое буиство подаста *хинови*“) и одинъ же разъ употребляетъ прилагательное *хыновьскъ* (чему мычеши *хиновьскыя* стрѣлкы = зачѣмъ несешь половецкія стрѣлы); сверхъ того, одинъ разъ въ немъ употреблено названіе *Хынова*, можетъ быть, для обозначенія варварскаго народа вообще (многы страны Хинова, Литва, ятвязи, Деремела и половци сулици своя повръгоша).

Передѣлка Слова о полку Игоревѣ XIV в., Задонщина употребляетъ названіе *хынове* въ значеніи: татары: на восточной сторонѣ жребій Симовъ, тамъ родишася *хынове* поганые тата-

ровя; идуть *хѣнове* на русскую землю; рядомъ прилагательное *хиновскій* въ значеніи татарскій [1]).

Трудно сомнѣваться, что первоначально др.-русское *хѣнъ*, мн. ч. *хѣнове* было обще-славянскимъ названіемъ народа гунновъ: греч. Οὖννος, лат Hunus, Hunnus, др.-в.-нѣм. hūn.

Здѣсь мы имѣемъ соотвѣтствіе славянскаго *ѣ* звуку ū другихъ языковъ.

Поляки и чехи называютъ саксонца *sas*. У старыхъ сербовъ и болгаръ было въ употребленіи этнографическое названіе *сасинъ*, повидимому, въ значеніи: саксонецъ [2]). Оба слова — и *Сасъ*, и *Сасинъ* — знали и старые русскіе, но пользовались ими какъ-будто исключительно въ качествѣ личныхъ собственныхъ именъ (отъ которыхъ затѣмъ пошли мѣстныя названія). Одна изъ двинскихъ грамотъ XV в. упоминаетъ о лицахъ: *Сасини* дѣтѣ (*Акты Юрид.*, 111) [3]). Германскій оригиналъ звучалъ sa*ks*-.

Данія (первоначально германское племя *дановъ*) въ 1-й Новгородской лѣтописи по Синодальному списку называется *Донь*, а датскій король въ зап.-русскихъ лѣтописяхъ именуется: *донъскій* (*Полн. собр. р. лѣтоп.* XVII, 61, 176, 177). Срв. польск. duńczyk датчанинъ, съ *u* изъ *o*.

Всѣ [4]) приведенныя выше этнографическія названія (кромѣ послѣдняго) своими звуковыми особенностями: *s* на мѣстѣ ū другихъ языковъ, *ѣ* на мѣстѣ ū другихъ языковъ и *с* на мѣстѣ *кс* другого языка — свидѣтельствуютъ, что носившіе ихъ народы были извѣстны славянамъ еще въ глубинѣ обще-славян-

---

1) По изданію *Шамбинаго*, стр. 120, 123, 126, 127.

2) Одинъ изъ дубровницкихъ писателей — Антунъ *Сасинъ*.

3) Одинъ текстъ южно-славянскаго происхожденія отличаетъ *саси* отъ *нѣмьци*. *Тихонравовъ*, Пам. отреч. р. литер. II, 446

4) О *Весь*, гдѣ *с* изъ болѣе древняго *кс*, объ *Ижера*, гдѣ *ж* изъ *і*, и др. см. выше — въ статьѣ о названіи озера *Селигеръ*.

скаго періода, задолго до распаденія обще-славянскаго языка на отдѣльные славянскіе языки, когда чужому й стало соотвѣтствовать славянское *у* [1]).

Послѣднее же названіе — *Донъ* — своимъ *о* на мѣстѣ германскаго ă, находящимся — что̀ важно — въ двухъ славянскихъ языкахъ, говоритъ только объ нѣкоторой древности знакомства славянъ съ германскими данами.

4. Половци.

Миклошичъ въ своемъ „Этимологическомъ словарѣ слав. яз." (стр. 256) находитъ невозможнымъ приводить въ связь русское названіе народа *половьци* и чешское plavci съ прилагательными церковно-славянскимъ *плавъ*, русскимъ *половый*, потому что, по его мнѣнію, половцы не были бѣлокурыми. Но дѣло не въ томъ, было ли въ половцахъ что-нибудь „половаго", а въ названіи ихъ главной орды. Мы знаемъ нѣсколько названій татарскихъ ордъ, между прочимъ, орду *синюю*; нѣмцы называли половцевъ Blawen, Blauen — синими, голубыми; словинское и сербское *плав*, между прочимъ, значитъ: голубой; малорусское *половый* иногда употребляется какъ опредѣленіе воловъ голубоватаго цвѣта. Въ виду этого, можно думать, что половцы были названы у насъ, у другихъ славянъ и у нѣмцевъ по имени своей главной орды, такъ что связь ихъ славянскихъ названій съ *плавъ*, *половый* не подлежитъ сомнѣнію.

Собственное названіе половцевъ было, въ русской передачѣ, — *кумане* (Начальная лѣтопись подъ 1096 г.: *кумани*, рекше половци), откуда русское собственное имя, превратившееся потомъ въ фамилію: *Кума́нинъ*, *Ко(а)ма́нинъ*.

5. Рахмане.

Объясняя русское слово *рахманный*, Миклошичъ („Этим. словарь") находитъ возможнымъ оставить въ сторонѣ древне-

---

[1]) Это соотвѣтствіе славянскаго *у* — въ *пруси* (Начальная лѣтопись) и друг.

русское *врахмане* — βράχμανοι, но неосновательно. Разсказы объ индійскихъ брахманахъ въ Александріи, въ апокрифическомъ хожденіи Зосимы и т. п. сдѣлали чрезвычайно популярнымъ у насъ имя *рахмановъ*, вслѣдствіе чего не представляется невозможнымъ образованіе у насъ отъ него прилагательнаго *рахманный* съ значеніями: чудно́й [1]), смирный Во всякомъ случаѣ связь приведенныхъ Миклошичемъ малорусскихъ *рахманинъ* (постимо якъ *рахманы*), *рахманьский* (великдень) съ древне-русскими *рахманами* не подлежитъ сомнѣнію.

Превращеніе *врахмане* въ *рахмане* относится ко времени не позднѣе XIV в. Василій архіеп. Новгородскій въ своемъ посланіи о земномъ раѣ пишетъ это слово безъ *в*. Въ текстахъ XV—XVII вв. форма его безъ *в* вполнѣ обычна [2]).

6. Срацининъ.

Близкая связь этого церк.-слав. слова съ греч. Σαρακηνός и лат. Sarracēnus не подлежитъ сомнѣнію, но отъ котораго изъ нихъ оно происходитъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить: ни отъ того, ни отъ другого.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ же словомъ, какъ ц.-сл. *цръкы*, др.-русск. *цьрькы*, какъ *цьсарь*, *цѣсарь*, какъ *оцьтъ*, какъ *Беръ*, имя города, = Βερροία (въ *Берѣ*, *Беръ*, Путятина Минея XI в. 61, 108; *Бера* Фрачьскааго, Святосл. Сб. 1073 г. 263, и др.), которыя перешли къ славянамъ Балканскаго полуострова отъ болѣе ранняго, очень смѣшаннаго населенія этого полуострова; въ составъ послѣдняго входили элементы греческіе, романскіе, германскіе и др. Повидимому, греческія слова нерѣдко произносились съ латинскимъ *ц* [3]) и съ латинскимъ же удареніемъ. На мѣстѣ греческой β слышалось не *в*, какъ у грековъ, а *б*, и т. п.

---

[1]) У Аблесимова: „што ты это чудесишь? этакій *рахманный*!“ (Мельникъ, колдунъ...).

[2]) *Поповъ*, Обзоръ хронографовъ, I, 30, 34, 35 и др.

[3]) Всѣ латинскія слова въ п.-сл яз. имѣютъ *ц* на мѣстѣ лат. *c*, не *ч*

Въ сра*ц*ининъ *ц* принадлежитъ латинскому произношенію, а слѣдующее за нимъ *и* [1]) — греческому. Опущеніе *а* послѣ *с*, повидимому, также греческое; срв. *парѣмия* παροιμία въ Свят. Сб. 1073 г. 155, *пармия* въ Уставѣ Церк. XII в. Моск. Синод. Библ. 24, 25, 32 об. и др., *сноксарѣ* συναξάριον въ томъ же Уставѣ 48 об., 66 об. и др. [2]).

Др.-русск. сорочининъ представляетъ скорѣе самостоятельное заимствованіе изъ греч., чѣмъ передѣлку ц.-слав. слова.

---

[1]) Здѣсь мы ожидали бы *ѣ*: срв. словѣнинъ, критѣнинъ и т. п.

[2]) Ц.-сл. *Сръдьць* (нынѣ Софія) можетъ восходить къ греч Σαρδική, съ латинскимъ *ц* на мѣстѣ *к*.

Два личныхъ имени.

1) Глѣбъ.

Собственное имя *Гльбъ* въ надписи на рисункѣ Святославова Сборника 1073 г. написано съ ъ послѣ ь: Гъльбъ. Остальные древне-русскіе тексты, въ которыхъ это имя встрѣчается часто, не имѣютъ въ немъ ъ.

Оно извѣстно только у русскихъ и въ началѣ исторической эпохи было въ употребленіи, повидимому, главнымъ образомъ въ княжескомъ родѣ Рюриковичей.

Во второй части съ нимъ совпадаетъ имя *Ульбъ*, сохраненное договоромъ Игоря съ греками (варіантъ: *Олльбъ*). Его носитъ лицо не княжескаго рода. Сверхъ того, упоминаются *Ульбъ* тысяцкій въ Кіевѣ (Ипатск. сп. лѣтоп. подъ 1146 г.) и *Улбъ* новгородскій посадникъ XI—XII в. (1-я Новгородская лѣт.). Это, вѣроятно — одно и то же лицо.

Старо-чешскій ономастиконъ знаетъ собственное имя Dětleb [1]), имѣющее ту же вторую часть.

Эта часть говоритъ о германскомъ происхожденіи всѣхъ трехъ именъ.

Если имя *Гъльбъ* по происхожденію — германское имя, то первая его часть должна звучать по-германски *gut-* или *gud-*. Слѣдовательно, первоначальная славянская форма имени была Гъд(т)-лѣбъ.

Заимствованіе этого [2]) имени славянами могло произойти

---

[1]) Въ документахъ XI—XIII вв. — *Detheleb, Dietlebus, Dilelbus (Erben,* Regesta Bohemiae et Moraviae, I, указатель).

[2]) Близкія къ *Улльбъ* скандинавскія формы имени приведены Томсеномъ; это — Oleifr, Olafr, Olaifr, Ulaifr. Но др.-сѣв. *f* русскими обыкновенно передается черезъ *ф*, *в*, *п*: *Фарлофъ*, *Фрастѣнъ* — *Прастѣнъ*, Мал-

только тогда, когда еще не совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ измѣненія группъ *дл* и *тл* въ *л*, и когда норманны еще не могли имѣть значительнаго вліянія на славянъ [1]).

Какое именно германское племя дало славянамъ имя *Глѣбъ*, пусть рѣшаютъ германисты.

2) Олъстѣнъ.

Договоръ Игоря съ греками имѣетъ личное имя *Фрастьнъ*, *Прастьнъ*, по Томсену, отъ скандин. Freysteinn. Оно стоитъ въ русскомъ ономастиконѣ столь одиноко, что приходится видѣть въ немъ одно изъ многочисленныхъ скандинавскихъ именъ этого договора.

Его вторая часть находится еще въ имени *Олѣстьнъ*, которое носитъ рязанскій бояринъ, упомянутый въ Лаврентьевск. сп. лѣт. подъ 1177 г. Впрочемъ приведенное написаніе принадлежитъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ; а Лаврент. списокъ имѣетъ Олѣстинъ.

Искоростьнь, род. п. *-я*, имя города въ Древлянской землѣ. По образованію, это — прилагательное отъ личнаго имени *Искоростьнъ*.

Полѣстьнь, род. п. *-я*, имя города въ южно-русской степи, упомянутаго подъ 1125 г. (Лавр. сп.). И это названіе — прилагат. отъ личнаго имени.

Данныя русскаго языка не даютъ объясненія. Повидимому, эти имена — скандинавскаго или вообще германскаго происхожденія.

---

*ф*рѣдь, Рулавъ, — очень рѣдко черезъ *б*. Значитъ, возможно, что имя Улѣбъ заимствовано у другихъ германцевъ

[1]) Отмѣтимъ два мѣстныхъ названія. Одно — *Свитязь*. Оно принадлежитъ двумъ озерамъ 1) во Владимиро-волынскомъ уѣздѣ Волынской губ. и 2) въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губ. О первомъ см. въ *Кіевск. Старинѣ* 1901 г. № 3, стр. 144. Другое, названіе города (нынѣ Гродн. губ.), въ зап.-русск. актахъ XVI в пишется *Гонязь* а теперь—Гоніондзь = польск. Goniądź. Окончаніе **-ądź**, какъ извѣстно, свойственно германизмамъ.

Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ.

I.

Когда мы начинаемъ заниматься мѣстными названіями славянской и особенно русской территоріи, когда намъ приходится разсматривать древне-русскія личныя имена и современныя русскія фамиліи, когда мы имѣемъ дѣло съ заимствованными словами въ обще-славянскомъ или русскомъ языкѣ, — мы непремѣнно сталкиваемся съ вопросомъ объ языкѣ скиѳовъ и сарматовъ, или объ языкѣ тѣхъ старѣйшихъ обитателей русской равнины и сосѣднихъ съ нею пространствъ Европы и Азіи, которые у древнихъ писателей называются общими именами скиѳовъ и сарматовъ.

То немногое, что можно сказать объ языкѣ скиѳовъ и сарматовъ, сводится къ слѣдующему.

Скиѳскія и сарматскія племена, а также племена болѣе позднихъ *аланъ* (точнѣе: *халанъ*) [1]) и *рокса-лант* [2]), говорили нарѣчіями одного и того же языка, единственнымъ остаткомъ котораго въ наши дни является осетинскій языкъ.

Этотъ скиѳо-сарматскій языкъ принадлежалъ къ иранской вѣтви индо-европейскихъ языковъ и былъ очень близокъ къ языкамъ зендскому (или древне-бактрійскому) и древне-персидскому. Къ сожалѣнію, нашъ матеріалъ изъ этихъ двухъ языковъ почти столь же скуденъ, какъ скуденъ матеріалъ изъ языка скиѳо-сарматскаго.

---

[1]) Амміанъ Марцеллинъ пишетъ: *H*alani.

[2]) Можетъ быть, *рос-халанъ*?

Скиѳо-сарматы, какъ и иранцы, въ извѣстныхъ случаяхъ имѣли:

h на мѣстѣ санскр. s;

sp на мѣстѣ санскр. sv, çv (*aspa* конь = санскр. açva- : Ἀριμασποί, т. е. *Aryam-aspā = Καλλιππίδαι, „прекрасно-конные“;

aі на мѣстѣ санскр. a (*paiti* = санскр. pati = господинъ : Αρια-πείθης, Σπαργα-πείθης);

b, d на мѣстѣ санскр. bh, dh (скиѳы-рабы въ греческихъ комедіяхъ замѣняютъ греч. придыхательные согласные соотвѣтствующими чистыми).

Близость скиѳо-сарматскаго языка къ древне-персидскому особенно ясно видна при сличеніи собственныхъ именъ скиѳо-сарматскихъ и древне-персидскихъ: ихъ элементы иногда совпадаютъ, какъ можно видѣть изъ сопоставленія сарм. Σαιταφάρνης и др.-перс. Τισσα-φέρνης и т. п. Срв. также имя скиѳскаго царя Ὀχτα-μασάδας и зенд. Mazda-oχta [1]).

Но, безъ сомнѣнія, языкъ скиѳовъ и сарматовъ имѣлъ свои отличія отъ иранскихъ языковъ, и общія, и діалектическія; мы можемъ догадываться, что нѣкоторые говоры имѣли глухіе согласные на мѣстѣ болѣе древнихъ звонкихъ, или наоборотъ, что ā при извѣстныхъ условіяхъ звучало глухо, что древняя долгота отчасти исчезла. Но идти далѣе догадокъ мы пока не имѣемъ права.

Скиѳо-сарматскій матеріалъ — почти исключительно имена собственныя: рѣкъ, горъ, городовъ, народовъ, лицъ. Онъ намъ сохраненъ главнымъ образомъ греческими писателями, получившими его изъ источниковъ далеко не лучшихъ, въ самой неточной передачѣ греческими буквами, съ частымъ приближеніемъ скиѳо-сарматскихъ словъ къ созвучнымъ греческимъ словамъ. Такъ, скиѳское названіе Днѣпра звучитъ у грековъ Βορυσθένης, гдѣ явственно чувствуется вліяніе греч βορά и σθένος. Мы

---

[1]) *Bartholomae*, Altiranisches Worterbuch, Strassburg, 1905, стр. 1159. „von Mazda (божество) ausgesprochen, verkündet“. Мы беремъ др.-бактр. и др.-персидск. данныя главнымъ образомъ изъ этого труда Бартоломэ.

должны имѣть въ виду, что греки не имѣли звуковъ j, v, ż (dž), č, š, которые — судя по всему — были у скиѳовъ и сарматовъ.

II.

Территорія скиѳовъ и сарматовъ можетъ быть опредѣлена только путемъ изслѣдованія современныхъ мѣстныхъ названій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Если мы имѣемъ одни и тѣ же не-русскія и не-славянскія по происхожденію имена *рѣкъ* и *озеръ*, — мы должны думать, что они перешли къ славянамъ изъ одного и того же языка. Мы имѣемъ названія рѣкъ:

Ца, болѣе древнее *Тъсна*: 1) большой притокъ Оки, 2) притокъ Мокши, 3) притокъ Припети, 4) въ Московской и Рязанской губ., 5) въ Тверской губ. (въ озерной области);

Десна. 1) притокъ Днѣпра, 2) притокъ южн. Буга, 3) въ Московской губ ; срв. *Дисна*;

**Рша*: 1) *Оршица* въ Могилевской губ ; 2) *Орша* въ Тверской губ , 3) *Ирша* въ Волынск. губ., 4) *Рша* въ Черниговскомъ княжествѣ, упомянутая въ Ипатскомъ сп лѣтоп., стр. 439;

Чечора: 1) въ Орловской губ., въ Дмитровскомъ уѣздѣ, 2) въ Орловской губ., въ Трубчевскомъ уѣздѣ, 3) въ Тульской губ , 4) въ Москвѣ, 5) въ Могилевской губ. (притокъ Сожа);

Одра: 1) въ Пруссіи, 2) въ Черниговской губ.; срв. *Одровь*, притокъ Днѣпра, въ Могилевской губ., болѣе древняя форма им. ед **Одры*;

Самара: 1) притокъ Волги, 2) притокъ Днѣпра, 3) въ Орловской губ.;

Сула: 1) притокъ Днѣпра, 2) притокъ Нѣмана;

Сът-омль въ Кіевѣ, упомянутая въ Начальной лѣтописи; *Сет-уха* въ Орловской губ.; *Сът-унъ* подъ Москвой, *Сет-евка* въ Тульской губ.; и т. п. [1]).

Та же территорія опредѣляется нахожденіемъ на ней рѣкъ съ именами животныхъ и — рѣже — растеній: *Бобръ*,

---

[1]) См. еще выше, въ статьѣ *Попрадъ*.

Вепрь, *Медвѣдица*, *Песъ* (Черниг. губ), *Ворона*, *Гоголь* (Тульской губ.), *Гусь*, *Колпъ* (Рязанск губ.), *Синичка* (въ Москвѣ), *Сосна* и т. п. Внѣ предѣловъ этой территоріи рѣки съ однородными названіями почти неизвѣстны.

Славяне заняли только часть скиѳо-сарматской территоріи, съ другой частью — южно-русской степью — они были болѣе или менѣе хорошо знакомы, но въ ней кочевали *угры*, *козары*, *печенѣги*, *половцы*, *торки* съ одной стороны и *берендѣи*, *коуи* съ другой [1]). Послѣдние народы, не включаемые авторомъ Начальной лѣтописи въ число „сыновъ Измаиловыхъ“, т. е. тюрковъ, представляютъ собою остатки скиѳо-сарматскихъ племенъ, прежнихъ хозяевъ южно-русской степи. — Нѣкоторыя части были заняты литовцами и западными финнами.

Литовцы („Голядь“) еще въ историческое время находились на рѣкѣ Протвѣ, въ предѣлахъ Московской (гдѣ еще существуетъ деревня *Голяди*) и Калужской губ. Судя по мѣстнымъ названіямъ, они жили также въ Орловской губ. (тамъ двѣ деревни и теперь называются *Голяжье*). Съ ними приходилось воевать русскимъ князьямъ. Кромѣ упомянутаго лѣтописью похода на Голядь, къ этимъ литовцамъ, вѣроятно, относится зимній походъ черниговскихъ Ольговичей 1205 г., упомянутый Суздальскою лѣтописью по Лаврентьевскому списку. Голядь рано ассимилировалась съ русскими сосѣдями.

Западные финны заняли, повидимому, лишь нѣкоторыя мѣста въ Московской губ. и въ юго-западной части Тверской губ. Память объ нихъ сохранилась въ мѣстномъ названіи (отъ озерка?) въ Звенигородскомъ удѣлѣ Московскаго княжества *Истерва* [„съ Истею [2]), съ *Истервою*“, говорится въ духовныхъ московскихъ вел. князей Ивана Ивановича и др., XIV в.] = *Истъ-ерва*, гдѣ вторая часть объясняется всего лучше при помощи западно-финскаго järwi озеро [3]). Но финны удержались

---

[1]) Принадлежность къ слав. народности *живерьцевъ*, этихъ „толковинъ“ = толковниковъ, переводчиковъ, — подлежитъ сомнѣнію.

[2]) Современн. *Исма*, *Истица* (Моск. и Тульск. губ.). Объ волости *Истерва* см. въ ст. Дебольскаго, *Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.* т. XII, (1901 г.).

[3]) 1-ая Новгородская лѣт. упоминаетъ о рѣчкѣ близъ Ладожскаго озера *Узьерва* (подъ 1310 г., стр. 311).

здѣсь недолго, сохранивъ большую часть древнихъ, до-финскихъ названій рѣкъ и озеръ и передавъ ихъ новымъ насельникамъ — русскимъ. Звуковая особенность вышеприведеннаго Истерва — нѣтъ полногласія — показываетъ, что это названіе было русскими получено уже по окончаніи обще-славянскаго періода, во всякомъ случаѣ послѣ Р. Хр. [1]).

III.

Какъ извѣстно, передъ началомъ нашей эры скиѳы исчезли изъ южной Россіи и на мѣстѣ ихъ древніе писатели знаютъ уже сарматовъ. Одновременно названія большихъ рѣкъ южной Россіи, почти всѣ, измѣнились. Вмѣсто Βορυσθένης скиѳской эпохи появился Δάναπρις; вмѣсто Τύρας — Danaster; вмѣсто Υ̓͂πανις — Vagus. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что сарматы пришли въ южно-русскую степь съ сѣвера, гдѣ находятся среднія и верхнія части названныхъ рѣкъ, изъ волынскаго, кіевскаго и черниговскаго Полѣсья, и что они принесли съ собою на югъ свои названія рѣкъ и ими замѣнили древнѣйшія скиѳскія.

Народъ, оттѣснившій на югъ сарматовъ, — славяне. Занявъ постепенно тѣ обширныя лѣсныя пространства, въ которыхъ раньше жили сарматы и въ которыхъ остались жить остатки сарматовъ, скоро ославянившіеся, — славяне получили отъ нихъ мѣстныя названія рѣкъ и проч.

По мѣрѣ звуковыхъ измѣненій въ обще-славянскомъ языкѣ, происходили измѣненія и въ мѣстныхъ названіяхъ. Группы ап и ен превратились въ носовые гласные ѫ и ѧ, группа ăр превратилась въ *ра, ро* или *оро* (смотря по говору обще-славянскаго языка); дифтонги аі и ау превратились въ *ъ* и *у*, гортанные и зубные согласные, при извѣстныхъ условіяхъ, смягчились; группы *дл* и *тл* могли утратить свои зубные, и т. д. Вслѣдствіе этого мѣстныя названія средней Россіи теперь не имѣютъ ничего несогласнаго съ фонетикой исконныхъ русскихъ словъ, и, напримѣръ, въ нихъ нѣтъ сочетаній *ге, же, хе*, а соче-

---

[1]) Срв. выше, статью о названіи *Селигеръ*.

танія *гы, кы, хы* всегда восходятъ къ болѣе древнимъ *гы, кы, хы*, которыя должны передавать сарматскія gū, kū, hū или что-нибудь близкое.

Когда русскій языкъ началъ свое историческое существованіе и въ немъ произошло исчезновеніе глухихъ въ серединѣ словъ, — и этому измѣненію, со всѣми его разнообразными послѣдствіями, вполнѣ подчинились мѣстныя названія.

Отсюда для изслѣдователя мѣстныхъ названій необходимость постоянно считаться съ фонетическими особенностями обще-славянскаго и русскаго языковъ и помнить о возможности разнообразныхъ звуковыхъ измѣненій.

Вотъ три примѣра.

Названіе рѣки *Чечера* можетъ имѣть звукъ *ч* и изъ сарматскаго *ч*, и изъ сарматскаго *к*.

Въ названіи рѣки *Гжать* сочетаніе *жа* можетъ быть и изъ сарматскаго *жа*, и изъ сарматскаго *гē*. Оно могло имѣть передъ *ж* глухой гласный, и тогда на мѣстѣ нынѣшняго *г* могло быть *к*. Словомъ, сарматскій прототипъ могъ звучать, между прочимъ, приблизительно kūgēti.

Названіе рѣки *Мецна* (притокъ Зуши, въ Орловской губ.) можетъ восходить къ болѣе древнему **Мьтьсна*, **Мьтъсна*, **Мьдъсна* и т п. Срв. современн. *Цна* при дошедшемъ до насъ изъ XV в. написаніи *Тъсна*.

Благодаря своему знакомству съ сарматскимъ языкомъ, славяне перевели на свой языкъ большое число мѣстныхъ сарматскихъ названій, когда послѣднія совпадали съ обычными словами сарматскаго языка Отсюда упомянутыя выше названія рѣкъ въ родѣ *Бобръ, Ворона, Сосна*; отсюда же такія, какъ *Молочьна*, рѣка въ Черниговскомъ княжествѣ, упомянутая въ лѣтописи подъ 1169 г.

Не слѣдуетъ забывать, что въ историческое время, до самаго нашествія монголовъ, на границахъ южно-русскихъ княжествъ жили потомки или родичи сарматовъ — берендѣи и др. — и играли довольно значительную роль въ политическихъ событіяхъ этихъ княжествъ. Многіе изъ русскихъ должны были знать ихъ языкъ. Большое число мѣстныхъ названій въ степи, дошедшее въ лѣтописяхъ или сохраняющееся до сихъ поръ,

можетъ принадлежать ихъ языкамъ и носить до извѣстной степени звуковую окраску ихъ языковъ.

Точно также названія, какъ *Голубой лѣсъ* или *Черный лѣсъ* (оба, повидимому, въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губ., на ея юго-востокѣ), могутъ быть переводомъ берендѣйскихъ названій.

Названіе рѣчки *Ерель* (нынѣ *Орель*, Екатериносл. губ.), притока Днѣпра, въ нашихъ лѣтописяхъ иногда сопровождается переводомъ: *Уль*, *Уголъ* [1]), а иногда замѣняется названіемъ *Уль* (Лаврент. сп. лѣт. подъ 1185 г.). Какому бы языку, сарматскому, или берендѣйскому, ни принадлежало это названіе, потомокъ скиѳскаго Γέρρος, — очевидно, славяне до-историческаго времени или русскіе X—XIII вв. знали, что оно на этомъ языкѣ означало: уголъ [2]).

IV.

Несомнѣнно, написаніе Danastr- не точно передавало звуки сарматскаго названія Др.-русск. **Дѣнѣстръ* позволяетъ поправить его на Dana*i*str-: слав. *ѣ* не рѣдко восходитъ къ дифтонгу ai. Въ этомъ видѣ сарматское названіе намъ сравнительно понятно; оно состоитъ изъ нарицательнаго dana рѣка (срв. зендское авест. dānu- рѣка, осетинск. -don рѣка) и istr-, то самое названіе рѣки, которое мы имѣемъ въ скиѳскомъ Ἴστρος Дунай, современномъ *Истра* (рѣчка около Москвы).

Написаніе Δάναπρις также должно быть исправлено при помощи др.-русск. *Дѣнѣпръ* (съ *ѣ* — въ Толковой Палеѣ XIV в.)

---

[1]) *Ерелью* русскіе XII вѣка называли не только рѣку, но и мѣстность. Въ лѣтописи по Ип. сп. подъ 1183 г. мы читаемъ: на мѣстѣ нарицаемѣмъ Ерель, *еюже Русь зовутъ Уголъ*. Срв. у Геродота названіе мѣстности, гдѣ погребались скиѳскіе цари: Γέρροι, „ἐς ὁ Βορυσθένης ἐστὶ πρόσπλωτός“, „до которой можно идти по Днѣпру на судахъ“ (до пороговъ?).

[2]) Извѣстны двѣ рѣчки съ именемъ *Орель*, одна въ Харьковской и Екатеринославской, другая въ Черниговской губ. О первой мы читаемъ: „Отъ истоковъ Тора верстахъ въ 30 впадаетъ рѣчка Орелька въ рѣку Орель и образуетъ у г о л ъ на границѣ Харьковской губ. съ Екатеринославской“ (*Аристовъ*, О землѣ Половецкой, въ *Извѣстіяхъ Ист.-Филолог. Института въ Нѣжинѣ* 1877 г.; стр. 225).

**Дънѣпръ*. Вторая часть сарматскаго названія должна была звучать ipr- (срв. названіе рѣчки *Ибръ* въ Волынск. губ.).

Написаніе Πόρατα (такъ. по Геродоту, скиѳы называли р. Прутъ) исправляется при помощи др.-русск. **Пѣрутъ*, соврем. *Прутъ*. Въ серединѣ скиѳскаго слова должно было быть или дифтонгъ au, или сочетаніе an [1]).

Разсмотрѣніе этихъ трехъ названій приводитъ насъ къ выводу, что скиѳо-сарм. *a*, *o* при какихъ-то условіяхъ передано славянами черезъ *ѣ*, даже то *a*, которому въ зендѣ соотвѣтствуетъ ā. Срв. *ѣ* въ *сѣто*.

Геродотовскія названія Дона и Днѣпра Τάναϊς и Βορυσθένης имѣютъ въ себѣ то же нарицательное dana, только съ t вмѣсто древняго *d*. Τάναϊς, очевидно, состоитъ изъ dan(a)-avi; слѣдовательно, это — то же названіе, что и сарм. *Danavi, названіе Дуная, переданное намъ греками въ видѣ Δανούβιος, Danuvius (съ u на мѣстѣ сарм. *a*!). Вторая его часть — avi — извѣстна какъ названіе рѣки впадающей въ Черное море, повидимому, Дуная: Ava (у Равенскаго Космографа). Въ Βορυσθένης вторая часть — видоизмѣненное во вкусѣ греческаго языка tana = dana.

Эти названія позволяютъ сдѣлать выводъ, что въ скиѳскихъ говорахъ при какихъ-то условіяхъ древнее *d* перешло въ соотвѣтствующее ему глухое *t*.

Срв. наше предположеніе, что скиѳское имя Небесной Аѳродиты Ἀργίμπασα (Герод.) есть не что иное, какъ arya-ma-pasa = прекрасно-рукая, гдѣ pasa объясняется изъ зендск. bāzu рука и др.-перс. Φαρνά-βαζος, Αρτό-βαζος; осет. *базуг* локоть [2]).

---

[1]) Срв геродотовское названіе одного изъ сѣверныхъ притоковъ Дуная (Серета?) Τιάραντος и русскія названія рѣкъ *Збручъ* (изъ [1]*Събручь*, [1]*Сѣбручь*), *Неручь* (Тульск. губ.) и городовъ *Баручъ* (въ Переяславск. княжествѣ; лѣтопись по Ип. сп. подъ 1126, 1174 гг.) и *Вручій* (изъ [2]*Вѣруч-*?). Послѣднее — прилагат. отъ личнаго имени [1]*Вѣручь*? Польская фамилія (прежде личное имя) Waręcz показываетъ, что русск. *у* — изъ ѧ.

[2]) *Arch. fur slav Phil.* XXVII, 242 и XXVIII, 450.

V.

Нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ названіяхъ.

Березина — имя 1) большого притока Днѣпра и 2) рѣчки въ Тульской губ.

Его нерѣдко сопоставляютъ съ скиѳскимъ названіемъ Днѣпра Βορυσθένης. Не говоря уже о томъ, что въ послѣднемъ β находится, повидимому, на мѣстѣ скиѳскаго *v* (гунны, по Іордану, называли Днѣпръ Var), — другіе звуки такъ мало совпадаютъ, что созвучіе этихъ двухъ словъ — только кажущееся.

Скорѣе *Березина* — славянское слово, означающее: березовая вѣтка (срв. дуб*ина*, хворост*ина* и т. п.).

Овидій и Плиній сохранили названіе рѣки впадающей въ Черное море между Борисѳеномъ и Тиромъ *Rhode*. Оно — греческое, = ῥοδῆ вѣтка розы, и представляетъ собою переводъ соотвѣтствующаго по значенію скиѳскаго или сарматскаго слова. То же можно сказать о другомъ названіи рѣки — Λόχος (Геród.). И оно — греческое, передающее значеніе скиѳскаго названія, тожественное названіе *Волкъ* принадлежитъ теперь притоку южн. Буга. Упомянемъ о названіи города Ἀλέχτωρ, при сліяніи Борисѳена и Гипаниса, которое сохранено Діономъ Хрисостомомъ [1]).

Кыевъ — имя не только большого русскаго города, но также поселеній сербскаго, упомянутаго въ С.-Стефанскомъ хрисовулѣ, и двухъ чешскихъ, нынѣ существующихъ; Начальная лѣтопись знаетъ *Кіевецъ* на Дунаѣ [2]). Его происхожденіе отъ *кый* палка, черезъ посредство собственнаго имени, — несомнѣнно. Это названіе — новѣе самаго города. Скандинавскіе источники знаютъ на Днѣпрѣ „Днѣпровскій городъ“, или „городъ Днѣпра“, и этотъ городъ, повидимому, — нашъ Кіевъ,

---

[1]) Птолемей знаетъ рѣку Καρκινίτης къ востоку отъ Гипаниса, передъ Таврическимъ полуостровомъ. Здѣсь былъ городъ Κάρκινα, у Плинія и Мелы — Carcine. На основаніи санскр. krkana-, можно думать, что скиѳское *karkāna значило: пѣтухъ.

[2]) Деревня *Кіево*, въ нынѣшней Тульской губерніи, упоминается въ Писцовой книгѣ 1593 г. *Шумакова*, Сотницы, стр. 160.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о древнемъ имени Кіева Σαμβατάς. Птолемей знаетъ городъ на Днѣпрѣ выше Ольвіи Μητρόπολις.

Послѣднее названіе обращаетъ на себя наше вниманіе.

Начальная лѣтопись влагаетъ въ уста Олегу слова о Кіевѣ: се буди *мати градомъ* русьскымъ. Слово *городъ* по-русски — муж. р.; почему же Олегъ назвалъ Кіевъ не отцомъ, а матерью городовъ? Какъ-будто автору лѣтописи приходилось слышать, что Кіевъ — *матъ-городъ* (гдѣ *городъ* онъ принималъ за форму род. п. мн. ч.). Если такъ, мы можемъ предположить, что птолемеевъ Μητρόπολις находился на мѣстѣ историческаго Кіева и что воспоминаніе о старомъ названіи жило еще въ Кіевѣ XI—XII вв.

Сомнительно, чтобы сарматскій оригиналъ греческаго имени звучалъ близко къ Σαμβατάς Константина.

Древніе упоминаютъ объ Αἰπόλιον, городѣ между Истромъ и Тиромъ. Это имя: Козій городъ или Коза-городъ, вмѣстѣ съ вышеприведенными, показываетъ, что скиѳы и сарматы дѣлали названія не только для рѣкъ своей земли, но и для городковъ,— изъ нарицательныхъ именъ съ разнообразными значеніями [1]), съ прибавленіемъ къ нимъ, когда было нужно, слова городъ. Послѣднее, повидимому, составляетъ вторую часть названій поселеній Ὄφι-οδσσα и Νί-οσσον (срв. санскр. vāstu).

Птолемей знаетъ городъ къ востоку отъ Днѣпра съ именемъ Ἄζαγάριον. Первая часть этого имени напоминаетъ зенд. корень yaz быть святымъ (срв. греч. ἅγ-ιος), а вторая — зенд. gairi гора. Повидимому, сарматское названіе города имѣло значеніе: святая гора. Любопытно, что Стефанъ Византіецъ знаетъ въ Скиѳіи мѣстность Ἅγιον ὄρος, и что теперь названіе *Святыя горы* сохраняется за невысокими горами у Дона въ Воронежской губ. (гдѣ съ недавняго времени Святогорскій монастырь).

---

[1]) Срв. еще названіе г о р ъ Πεύκη (= сосна). Данныя относительно скиѳскихъ и сарматскихъ названій рѣкъ, городовъ и пр. собраны въ трудѣ проф. *Л. Нидерле,* Starověké zpravy o zeměpisu východní Evropy, v Praze, 1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Древнѣйшія славянскія названія монеты и хронологія обще славянскаго смягченія гортанныхъ 1

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ 5

Бескидъ 10

Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ. 11

Мелкія замѣтки по морфологіи 59

Толтры 77

Попрадъ. 78

Нѣсколько этнографическихъ названій. 1. Чехъ. 2. Хорватъ. 3 Гътинъ и др. 4. Половци. 5. Рахмане. 6. Срацининъ. . 79

Два личныхъ имени. 1. Глѣбъ. 2. Олъстѣнъ. 87

Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ . . . 89

Науч

Из Обр. Фонда
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. Ленина

Цѣна 1 руб.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-е. — Ц. 2 р.

Переводная литература Московской Руси. Библіографическіе матеріалы. — Ц. 2 р.

Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. — Ц. 1 р. 50 к.

C2V 8/41